

Вячеслав МУНИСТЕР

**ЗАКАТ
ПОЛУНОЧНОГО
СОЛНЦА**

Вячеслав Мунистер

Закат полуночного солнца

«Издательские решения»

Мунистер В.

Закат полуночного солнца / В. Мунистер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937124-9

Роман повествует о последних днях «Чёрного Буфера» — крайнего оплота белогвардейского сопротивления на Дальнем Востоке, в городах Владивосток и Петропавловск-Камчатский. Эта история раскрывает сущность тогдашнего бытия, как и самой страны осенью 1922 г., на примере как оставшихся в России, так и тех, кто был вынужден эмигрировать в Америку без всякого шанса на возвращение — в роли «счастливчиков», на пароходе «Гельвеция», идущем холодными водами.

ISBN 978-5-44-937124-9

© Мунистер В.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДЫСТОРИЯ	6
ПОСЛЕДНИЙ ОСТРОГ	8
КРАСНЫЙ РАССВЕТ	16
ЧУДА НЕ БУДЕТ	24
ЗАПАДНЯ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Закат полуночного солнца

Вячеслав Мунистер

© Вячеслав Мунистер, 2018

ISBN 978-5-4493-7124-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДЫСТОРИЯ

Эта история благодарна своему появлению одной трагедии, совершенно несвязанной с событиями, описываемыми в этой книге. То была пятнадцатилетняя годовщина воздушной катастрофы, наделавшей информационного шума в том, еще биполярном мире. Речь идет о прерванном полёте Боинг-747 Корейских авиалиний, следовавший рейсом 007 Нью-Йорк – Сеул с дозаправкой в Анкоридже (Аляска), нарушившего границу СССР и сбитого над островом Сахалин советским истребителем. Тогда погибло двести шестьдесят девять человек. «Холодная война» была в разгаре, и США немедленно обвинили СССР в хладнокровном убийстве невинных людей. Советский Союз для западного мира навсегда стал «империей зла». Пресса этой страны подтвердила, что лайнер был сбит, но со всевозможными оговорками. Данная трагедия надолго стала главной темой для бесед в советских, корейских, американских и европейских семьях. Люди ожесточенно спорили, что важнее – охрана территории или человеческие жизни.

Пятого сентября 1998 года в Анкоридже было организовано неформальное обсуждение тех событий; прилетело несколько специалистов с Финикса, Калгари, Аделаиды, Мюнхена, Сакраменто и других городов. Позднее оказалось, что именно Анкоридж станет кинематографической площадкой для создания документального фильма посвященного катастрофе. Помимо непосредственных специалистов по воздушной отрасли, занимающимися расследованиями данных происшествий, с ними было много – не менее десятка непосвященных в непосредственное «таинство авиации» людей, а именно съемочная группа, несколько историков по технике и не только.

На мероприятии, посвященном годовщине той страшной трагедии шло первичное обсуждение грядущих съемок затеваемого фильма с единственными выжившими «непосредственными» участниками тех событий – с диспетчерами, провожавших, как оказалось, корейский Боинг в последнюю путь, той последней летней ночью.

Во время встречи с бывшим директором воздушной гавани Фицджеральдом Маккензи, историк Бен Линдер, посредством заполученной симпатии в общении, случайным образом, узнал об одной истории, исследованием которой занимался этот человек.

Она будоражила сознание Фицджеральда вот уже три года. Он, будучи уже на пенсии, занимался исследованием родного края. Это была его юношеская мечта, ставшая на почти полвека невозможной по причине тяжелой, насыщенной и совершенно недоступной для серьезной научной работы, деятельности. Бен застал старика в неудобном для него положении, как раз тогда, когда он занимался фотоматериалами, которые, прежде всего, заинтересовали зоркий глаз любителя необычного, и ему пришлось рассказать о своем «последнем хобби».

Безусловно, Бена, это все очень заинтересовало и этот, первоначально показавшийся с виду злобным, весьма честный и порядочный, но одинокий старик, поведал об одной истории, которая случилась в 1922—1923г., с русскими, потерпевшими кораблекрушение у берегов юго-восточной Аляски, еще называемой Аляской Панхэндл и о невероятных злоключениях, которые они пережили в осеннезимний период, оставшись сами с собой на границе Аляски и провинции Юкон. В этой истории было прекрасно все – начиная от того, что Бен, увлеклся историей России, и даже однажды бывал в «Империи Зла». Но теперь, когда стена рухнула, все это сказание в его голове превращалось в весьма удачный коммерческий проект. Причем, большая часть информации была уже собрана.

А зная талант Бена к формализации историй в фильмы, работающего в свое время прямо за Голливудскими холмами и знающего нескольких специалистов в кинематографе, то и это могло превратиться в успешный фильм, или, по крайней мере, точно большой исторический проект. Старик показал ему найденные сведения о русских и тот явно понимал, что, вероятно,

будучи богатыми, отважившись на эмиграцию в Америку, у них, хотя бы у малой части, остались родственники – да и не только у тех, кому повезло выжить. А это в его «воспаленном сознании» принимало уникальные мысли. Ведь, как известно – за память принято платить. И конечно все очень нравилось этому предприимчивому историку, не упускавшему возможности полетать по миру за чужой счёт и что-нибудь еще сотворить. Маккензи и Линдер решили работать вместе.

Первому не хватало энергичной фигуры в виде этого сравнительного молодого сотоварища, а второму, как ни странно, признания. Фицджеральд оказался прекрасным рассказчиком, и бережным хранителем информации, ведь та история, о которой он сообщил, в устах другого человека могла остаться совершенно скучной и пресной. Помимо своей непосредственной работы, господа стали работать над формированием того, что тремя годами позже должно было выйти под редакцией одного клерка, уехавшего из России в Нью-Йорк под благозвучным названием «Закат полуночного солнца». Но проявить свет той истории удалось лишь спустя двадцать лет после той встречи, когда трех непосредственных соавторов той встреч уже не было в живых...

14 сентября 2001г., в Сан-Франциско должна была быть презентована книга, но Рейс 93 United Airlines 11 сентября 2001 года, летевший как раз ту, остановил время на часах Бена Линдера и Артема Сарофьева. А Фицджеральд Маккензи скончался в скором времени от сердечного приступа, не выдержав такого удара, на восемьдесят девятому году жизни. Тираж в тысячу экземпляров, из которых по половине на английском и русском, не был забран, и был спустя три месяца ожидания уничтожен. А дом Маккензи долго стоял пустым, из-за различных судебных разбирательств муниципальных органов власти, пока в 2016г. он обрел новых владельцев и только благодаря новым хозяевам все же появился на свет.

Эта книга – дань уважение делу ушедших в вечность.

5 сентября 2018 г.

(по материалам из дневников Б. Линдера и Ф. Маккензи, А. Сарофьева)

«Я показываю тебе сына в виде врага, брата в виде противника;

Человек будет убивать своего отца. Будет страна мала, А её руководители многочисленны.»

«Ноферреху» XV век до н.э

ПОСЛЕДНИЙ ОСТРОГ

Уже четыре года как убит император Николай II с семьей и домочадцами. Пять лет, как закончилась история царской России, и на месте разрушенного до основания прежнего мира возникает новое государственное формирование. Все это время проходит под символом русской гражданской мясорубки – братоубийственной, ожесточенной и совершенно лишенной рассудка, войны. Проказа поразила тела миллионов.

Лето двадцать второго было последним для старого Владивостока, дальнего града, окинувшего свой грустный взгляд на вечную гладь океана, на самом краю бывшей империи. Нет, конечно, он уже не оставался таким, каким был в мирное дореволюционное время, но уже никогда он не станет таким, каким еще оставался тем летом. За четыре года тут были и революционеры, и их противники, с заметным доминированием вторых, с точки зрения продолжительности контроля над здешними территориями.

Последний парад, да, именно он, белой гвардии, прошел двадцать шестого мая. События развивались весьма стремительно. Хотя это было очевидно в виду слабости державших оборону, и в численном превосходстве атакующих, так как за ними уже была вся та, огромная Россия, за небольшим исключением. В памяти многих выживших и оставшихся здесь ветеранов сохранились события в Крыму, на Волге, Урале, Сибирь в виде ментальных погостов, куда и не было, и быть не могло дороги назад.

Мало какой здравомыслящий горожанин мыслил тем, что большевики не сумеют захватить этот, последний крупный форпост. Это было лишь вопросом времени, понимали это и наводнившие этот город гости с небезызвестных и не столь отдаленных великих островов Хоккайдо и Хонсю. В Японии росло недовольство, широкие массы требовали прекращения интервенции.

В этих условиях к власти пришел кабинет адмирала Като, сторонника перенесения экспансии на Тихий океан, который двадцать четвертого июня заявил о решении эвакуировать Приморье к первому ноября.

Но лишь залив Петра Великого своим легким и непринужденным бризом, вовсе непонятным образом, предоставлял утешение, давая свежие глотки воздуха, правда, вот кому, хороший вопрос. Скорей всего, безмолвным валунам на берегах малых заливов в окрестностях города. Людям было не до метафизики суждений и смыслов значений природы. После Волочаевского сражения и последующего взятия Хабаровска в феврале, Владивосток оставался последним крупным приютом русских по духу на своей земле. Город принял на себя концентрацию японцев, беглой части интеллигенции, военнотружущих, что и привело к номинальному увеличению плотности населения. Обычные дома в некоторых частях города были перенаселены приезжими.

Все, что происходило во Владивостоке в конце июля 1922 года, напоминало «последний решительный бой», но вовсе не за социализм. Битву за идеалы монархии возглавил генерал Михаил Константинович Дитерихс, участник Русско-японской, Первой мировой, Гражданской войн, сподвижник Колчака. «Звание приемлю. Понесу свое служение свято...» – пообещал он после своего избрания Правителем и Воеводой Приамурского Земского края.

Именно в такое, тяжелое, как свинец, мрачное, как грозное небо, и было положено начаться сей дивной оказии, которая, навсегда изменила жизни сотен тех, кто оказался, по стечению планиды, там, где быть не мог и представлять не собирался. Был поздний августовский вечер двадцать второго года. В летней резиденции какого-то профессора биологических наук, проходил уже ставший традиционным, согласованный, правда, лишенный всякого торжественного вида, но сохранивший интеллигентный вид – раут. Хотя нет, таким словом это

трудно было назвать уже как год, по причине злободневной повестки дня и весьма невеселому тону мероприятия. Скорее это было похоже на консенсус врачей, которые с величайшей упорностью пытались разрешить вопрос о целесообразности мероприятий по спасению безнадежного и совершенно точно «агонизирующего больного», который имел весьма странное, как для «пациента» имя – Приамурский земной край.

Который, к слову, лишь месяц до этого имел иное звучание, хоть и весьма синонимичное. Если говорить более простым словом, то здесь, с периодичностью в неделю, а затем почти каждый вечером, как вы уже догадались, заседали учёные мужа и светила различного рода и профессионального состава.

Хотя в большей массе это были уже повидавшие мир академики и профессора различных университетов, часть из которых была местными. Историки различных направлений, как восточных, так и западных, как и славянофилов, парочку мыслителей седовласых, ну и людей практических мыслительных способностей. Помимо сего контингента были люди творческие. Как же без них. В общем составе четыре десятка человек.

Тот вечер был прохладным, погода менялась в худшую сторону, впрочем, как и в любом другом месте матушки России. Это было «близко» и для жителей Европейской части государства Российского, которых здесь было немало, да и для сибиряков – с их суровым континентальным климатом. Хотя, замечу, днем еще было весьма замечательно. Однако вторая декада августа давала о себе знать. Вечер начался с выступления молодого человека – он играл на прекрасном пианино, стоявшем здесь, но ни разу еще не зазвучавшим ранее в присутствии гостей за все время встреч. Это был какой-то кадет, сын одного из новоявленных гостей, прибывших в этот день в эту обитель у моря.

Совершенно точно можно было назвать его выступление аккомпанирующим тому, что и стало повесткой этого вечера – а именно обсуждению весьма нелестного для присутствующих и всячески откладываемого для большинства, по сути своей, момента прощания с родиной. Эвакуация! Такое знакомое слово – но нет, и ей пришел конец. Крайняя, последняя. Владивосток постепенно, еще аккуратно, не так массово, но уже неостановимо стал овладевать дух поражения.

Иностранцев становилось все меньше. Все больше и больше кораблей уходило за горизонт, обреченных на невозвращение. Об этом и начали говорить, причем весьма задорно, активно, свойственным русскому человеку прямолинейностью, сойдясь на том, что все же, после тысяч реплик, сказанных ранее, были правы те, кто сказал, что война проиграна.

Вот такие наивные и добродушные люди были в стане этого кружка для остатков духа интеллигенции, выросшей на Тургеневе, Чехове, Толстом, работавшем бок о бок с Павловым и Вернадским. Такие здесь были.

Перемалывая очередные слухи о сроках сдачи региона, жернова русской мысли спешно перешептывались друг с другом о том, куда податься и как сделать это наилучшим образом. Однако все звучало это довольно нелепо, по наличию, вернее по отсутствию оных сведений. И здесь, в имеющий закулисный и деликатный, скорей даже характер разговорчиков, ворвался, достаточно дерзко, репликативный монолог некоего господина, одетого не по сезону. Почему такой же? Об этом он поведал несколько позднее, сообщив, что передает в чуть ли не дословном виде указания приближенного к Михаилу Константиновичу (прим. – Дитерихсу), который как вы уже знаете, и был главным человечиком того мгновения судьбы, в этом ограниченном, локальном пространстве.

Одному из достойных сынов той, навеки мертвой, отчизны. Его судьба заслуживает отдельной книги. Он встал на импровизированную сцену, близ вышеуказанного музыкального инструмента и въедливо стал читать с бумаги текст незатейливого содержания, который, как

было понятно по первым его предложениям, был шаблонным и человек решил не импровизировать, составил его, чтоб повторить десятки раз.

«Добрый вечер, дамы и господа. Я понимаю, что всех вас, хотя нет, прошу прощения, нас, сюда привёл один интерес, который одинаково разделяем для каждого из присутствующих, лишенных иной почвы для размышлений, кроме одного. И вы прекрасно разумеете, о чем идет речь. Совершенно точно вы должны не пытаться никаких иллюзий насчет тех подонков, которые осквернят и эту землю. И это произойдет сравнительно скоро. Я являюсь носителем, как собственного мнения, так и администрации земского края. Я пришел к вам, чтоб сообщить о том, что у вас есть всего лишь несколько недель. Эвакуация уже началась, и с каждым днем она будет набирать обороты. Я уведомляю вас о том, что вы должны определиться, все, без исключения, и записаться на нее. Оставляю вам письмо, направленное всем нам, от правительства. В нем содержится вся подробная информация.»

— — —
Гробовая тишина. Несколько мгновений, достаточных для восприятия всеми. И он продолжил:

«Ах да, прошу прощения еще раз, забыл представиться, зовут меня Федором Алексеевичем Проскуриным. Есть вопросы? За вопросами узкой направленности обращаться в адмиралтейство, либо в саму администрацию. Вы как я понимаю, знаете, где все это находится.»

— — —
Все замолчали, будто потеряли голос, хотя еще только что мешали высказать свою мысль Федору Алексеевичу. Присмотрелся и я к нему. У этого господина странной формы был пиджак. Такой и я за свою длинную жизнь не видел ни на одном приёме, встречи. А вы уж точно поверьте, что я видел мир и людей, в том числе и заморских, работая в Петербурге с десятков лет, пять в Москве-матушке, да и несколько лет жил в Германской империи Какой-то интересный покрой, будто и не пиджак вовсе, а некоторая извращенная форма костюмного жилета, но с рукавами, и не схожими на привычный открытый отложный воротник...

Но вопросов не поступало. Проскурин уже решил ретироваться, начав уже прощаться, не словами, а в совершенной иной – невербальной, жестовой формы. Но нет, отважился кто-то задать вопрос, неспешно привстав и окликнул уходящего.

– У меня есть вопрос. Он может показаться странным, но я хотел бы услышать от вас ответа. Нет, вернее два вопроса. В Европу будет ли отправлен хотя бы один корабль? И второй вопрос – если мы уйдем окончательно, что будет с нашей родиной, по вашему мнению? За несметное число встреч я слышал великое множество различных предположений на этот счет. Вижу, что вы человек мудрый, хотел бы услышать ваш ответ. – Это был совершенно седой, не по возрасту, человек, тридцати лет отроду. О нем бывалые здесь знали достаточно много с одной стороны, и достаточно мало с другой. Как-то весной он рассказывал о том, что он потерял всю свою большую семью еще в девятнадцатом году, когда в их деревню заскочили анархисты, а среди них был его неприятель с детства, и они сотворили мученическую смерть его отцу, жене, двум ребятишкам-сыновьям.

А сам он был в это время в уездном центре. Вернулся ночью, и увидел лишь пылающий дом. А на утро следующего дня и обгоревшие тела. Вот и посидел он. И в миг превратился из помещика в воина. Участвовал в событиях на юге. В двадцатом году имел несколько серьезных контузий. И вот, неблагоприятная судьба забросила его сюда. Среди всех находившихся здесь, пожалуй, именно у него был наиболее драматичный жизненный путь.

– Невероятно. Он умеет говорить? Или мне показалось. Ты ведь помнишь, Евгений, каким мы его увидели впервые и как он почти всегда молчал, лишь изредка говорил что-то совершенное невнятное, слабо различимое на слух – такая фраза послышалась по направлению дубового столика, расположенным у дверного проёма, прямо над грузным часовым механизмом.

Это место всегда было занято одними и те же людьми. Так как все остальные чурались поведения, всегда оказывающих, если не пугающее, но уж точно внезапное влияние, посредством своей звуковой составляющей. Она была услышана большинством, так как, после продолжительного молчания, голос имеет свойство иметь некоторую искажающую, более громкую, а в случае с этим господином, трубно-духовую, так сказать, особенность звучания, в частности от этого «сибирского медведя».

Ответа не последовало, ни от худощавого старичка, ни от лица, про кого это было сказано. Хотя он это услышал, сделав от неожиданности полуповорот к источнику сказания. Зато вот предыдущая реплика, собственно вопрос, все же получил свой ответ, несмотря на внезапно вмешавшийся клич старика, который еще так ехидно улыбнулся, будто так и желал, нанеся едкий удар своим прогнанным жалом. На мгновение они сошлись взглядами. Но все же, послышалось, после уже явно затянутого относительного молчания, ответное от гостя:

На первый вопрос отвечаю утвердительно отрицательно. У правительства края нет возможности напрямую обеспечить данное мероприятие по очевидным географическим причинам. Последнее судно, при моей памяти, заходило к нам с Архангельской губернии, дай Бог вспомнить точно, да, вспомнил, аж более двух лет назад.

– Ваш слуга как раз тогда и курировал сию операцию. Наш мир велик, и в этом случае мне очень жаль. Мы не сможем произвести «компрессию» нашего пути до портов великих городов Европейских, так как банально ни природа, ни враг, и еще много что, не даст нам добраться хотя бы Швеции. Но как вы понимаете, это возможно, но через то, что еще не очень давно звали, да и сейчас тоже именуют Новым Светом.

– А на второй вопрос ответить не могу, ибо не имею ни права, ни чести, ни совести, высказывать предчувствия неблагоприятного исхода, тогда, когда он поразил головы всех, и это не является болезнью, или следствием скудоумия людского, а отражает тот самый трезвый реализм, который надоел кормить нас своей печалью и поить горькими слезами. На сим прошу отклоняться.

Сообщество благочестивых на этом не прекратило свое общение, дискуссия продолжилась с большим запалом. Тот вечер незаметно перерос в ночь. Лишь утром гости покинули резиденцию милейшего профессора. Позади была, пожалуй, сама активная ночная дуэль взглядов. Но стороны сошлись на том, что не имеет никакого смысла оставаться здесь и дня, если в него зайдут большевики. Скорей не «если», а «когда». Вот так вот будет точнее.

Правда, доказали это, и довели до светлых умов человечества не фразы великие, а разбитые фужеры и еще какая-то посуда, в небольшой, молниеносной стычке между штабс-капитаном и ветераном Русско-Японской, который был очень недоволен тем, как восхваляли помощь «партнеров», на которых он точил зуб вот уже почти двадцать лет и был даже схвачен на улицах Хабаровска прошлой зимой, где с ним и была проведена определенного характера беседа с каким-то человеком, прекрасно владеющим русским языком, но имеющего черты лица, схожие на человека восточного.

Самого же зачинщика звали Яковом Яковлевичем Собеским. В это время светало уже достаточно поздно, поэтому гости мирно дремали остаток времени, находясь в схожих на ротанговые, плетенные кресла, который был равен примерно двум часам – с трех часов утра до пяти. Так как усталость переборола желание о чем-то говорить.

Хотя небольшое оживление появилось после небольшого монолога Самуила Елкановича Левинштейна – человека интереснейшего склада мышления, постоянно подбадривающего не самую веселую

«коллегию», который решил таким образом успокоить всех.

Самуил Елканович за несколько минут до наступления третьего часа нового дня, как только перестали трещать «свиристели» и все общение стало сходиться на нет, бодро, как для человека семидесяти лет отроду, хотя точный возраст он не называл, ссылаясь на очередную шутку-прибаутку, взошел на сцену, и с тенором конференсье решил поведать очередную историю полуспящим гостям, с стремлением опередить бой курантов противнейших часов:

– Мне нестерпимо хочется есть, пить, спать и конечно же разговаривать о литературе, то есть ничего не делать и в то же время чувствовать себя порядочным человеком, прям как всеми известный нам Антоша. Конечно же шучу, наелся я вдоволь, а вот о литературе говорить конечно сейчас нельзя. Понимаю. Но позвольте мне рассказать мне только что вытянутую из изумрудной шкатулки сознания старую историю, которой было место быть аж в том веке, когда ваш покорный слуга еще носил епитрахиль и дружил с одним одесситом, который и поведал мне эту простенькую, как-то снадобье на столе у моей горничной, историю: Времена прошлые, какой-то вокзал, перрон, идет доктор и маленький мальчик. Между ними завязывается небольшой диалог, в ходе которого малыш говорит следующее: Мой дедушка ищет закладки в Торе. На что доктор с угрюмым выражением лица неспешно отвечает с некоторой долей презрения: Он морфинист? – Нет, он раввин – отвечает мальчик.

Незатейливая история, тем не менее, получает неплохую реакцию со стороны гостей и на небольшой промежуток времени общение продолжается вновь, но вновь стихает, засыпает...

Лишь один пылкий, схожий на взгляд дивной росوماхи, не подавал сигналов о сонливости и усталости. Это был завсегдатай всех встреч, доктор Генрих Вячеславович Бжежинский. Человек сравнительно молодой по внешности своей, в весьма сером и неприметном, даже в сравнении с простым людом, одеянии, схожий скорее на штабную крысу, напоминающего Гоголевского Башмачкина.

Хотя можно было поспорить о его материальном достатке, но он казался, если не абсолютным, но точно выраженным скрягой, по крайней мере, в плане своей одежды, либо же человеком, не ставящим первоочередным блистание роскошными пальтишками, в столь неблагоприятное время.

Он высказывал свое мнение весьма редко, чаще он был наблюдателем, статистом, который редко отводил свое внимание от своего милейшего блокнотища, оплетенного чистощерстяной ворсованной тканью. Человек этот характеризовался высокой наблюдательностью, несмотря на то, что весьма приличное время тратил на то, чтоб очистить тряпочкой, которую он так педантично доставал из кармана брюк, стеклышки своего пенсне.

Генрих что-то писал, нарушая росчерком пера и так очевидно нарушенную тишину, вызванную скрепящими зубами уставших посетителей, словно как через жернова проходит песок, а также совершенно негармоничным звучанием расстроенных старых кресел, паркета и т. д.

Упуская громадную воду, пропитавшую за ту ночь ту камерную обстановку, можно было резюмировать, что все те, кто находились внутри замечательного особняка были весьма далеки от той реальности, которую они неспешно осознавали, интуитивно догадываясь о том, что все же она необратимо стремится к ним как грозовой фронт, который в этот раз не пощадит их, как делал это раньше, на протяжении последних лет. Как курили сигары раньше, так и курили и сейчас, находя в них мгновения для нахождения в прострации, отупленности, или в бокетто – новом словечке, услышанном от японцев, обозначающем акт бессмысленного

и довольно продолжительного смотрения вдаль. Именно так смотрели на пришлого гостя, который сообщил о начале окончательной эвакуации, все эти люди.

Ночь пролетела незаметно, равно как и ушедший из порта Владивостока корабль, в полночь наступившего дня. Он был не грузовым и не военным, но очень и очень старался не привлекать внимания. Кажется, что его никто не заметил.

Но не утаить такого массивного морского железного льва от пылких глаз местных ребятишек, коих в любом городке бескрайней отчизны всегда много. Небольшой дом аптекаря возвышенный над голубым горизонтом.

Полуночное время, окутанное неким мистическим романтизмом, оказанным темнотой, данной этому промежутку времени от самой природы, оказывающей непременно влияние на неокрепший рассудок по неизвестной причине бодрствующего мальчишки, коему было лишь одно занятие, заместо такого сладкого и безмятежного сна, а именно – устремление в полуоткрытое окошечко, за которым скрывалась прекрасная перспектива прекрасного града, окутанного белесым с одной стороны своей, вызванным дымкой – туманом, медленно отдавшего свое тепло океана, и ярким пронзительным светом с обратной, вышедшей царицы ночи – госпожи луны. До береговой линии было совершенно близко – каких-то две сотни сажень, берег так и манил себя, привлекая, словно руками размахивая, некрупными волнами. В авангарде взгляда виднелся причал, какие-то строения, заросли, чуть дальше – если смотреть против хода луны в ту ночь: какие-то сооружения, связанные с портовой составляющей. Один ты – сидящий у окна, твое умозрение и натурное молчание, созданной самой природой – идеальная музыка, мелодия, звучание. Совершенно по-другому бьется сердце грустного господина, сидящего в мастерской то ли часовщика, то ли сапожника. Тлеющая свеча, стол лишенный своего первоначального вида, с застывшими следами рыбного жира, лаков. Общипанное и дряхлое перо, дребезжащая правая рука, трость на полустгнившем полу. Разбитый кувшин. Множество крупных и малых осколков. Сидит как сыч невеселый. Что-то пишет на черепках не сильно удачно.

Хоть поделом он принял наказание, С его клеймом никак не совместить его Суд черепков не для таких был выдуман.

Комик Платон (V век до н.э)

Имя пишет свое, словно повторяя обряд остракизма забытой Эллады древней. Грех висит на нем, не может смириться с ним совершенно точно он. Держит в левой руке бумагу канареечножелтовато оттенка. Вероятно, папиросную. Долго держит перо свое неотесанное и диковатое. Первые буквы на листе том, почерк ужасен, трагичен и страшен, наводит на мысль, что сотворил он и зачем стал писать. Слезы скупые на лице его. Что же сотворил и почему находится здесь он? Пишет и пишет, свеча все горит.

В письме выводит каждую букву, так как дается все это ему, с великим трудом. Странный вид имеет цедулка – словно стих в прозе, не имея прямого обращения к конкретно кому. Не быстро, слово обдумывая, написал:

«Тысяча лет прошедших с той встречи, любви открытой секунды
Покорившей нашей сердца. И вот уже все...
Тысячу раз миллион дверей к неосознанной вечности,
Может быть я прожил тысячу жизней, тысячу,
Но никогда не мог я ошибиться так, как сейчас, в этот раз. Бесконечные ступеньки лестницы
Поднимает к маяку человеческих душ.
Ангел смерти смотрит на меня суворым образом

Я все понимаю и осознаю, что нет прощения, но...
Если понадобится еще одна тысяча лет, еще одна тысяча воин,
Я бы пролил бы еще миллион слез, издал миллион вздохов,
Произнес миллион имен, но лишь одной правде
В глаза я бы посмотрел, что я бесконечно виновен,
В том, что так все получилось, и не могу никому сказать,
Что сотворилось, духом оказался слаб я, что признаю,
Но не могу ничего поделывать, я всегда люблю тебя,
Я не хотел, чтоб было так, и я съедаю себя за то, что не прав
Но известно всегда, что тысячу раз тайны сами раскрываются
Я могу быть бесчисленным, могу быть безвинным, у твоих ног Мог бы быть пушечным мясом, уничтоженным тысячу раз, Как тогда под Порт-Артуром, когда увиделись мы впервые.
Восставшим из пепла, как везунчик, и судившим иных за грехи,
Или мог бы носить эту мантию паломника, или быть обычным вором, Но я сохранил эту единую веру, единое убеждение, в то, что Мне нет жизни без тебя – никогда более в этой жизни. Перманентно виню и корю себя.»

Скрутив хлипенькую бумагу в своеобразный сверток, явно без цели выставить содержимое на обозрение, да и как бы иначе, с тяжелой ходьбой, господин в тот же час позабыл о свечке, стряхнул сухую грязь и толстый слой пыли рукой с внутренней стороны двери, прикрыл хлипкую дверь, не имея замысла закрыть ее основательным образом, так как не имел и ключа, направился к берегу – к тому самому пирсу, который был в прямом поле видимости с дома неназванного фармацевта. В это мгновение, зашедший ветер от удара по двери, опрокинул восковой излучатель света, что привело к скорейшему перебросу язычков пламени на такую аппетитную для огня новую площадку. Однако рассеянный гость этого уже не заметил, приближаясь к причалу.

Подойдя к точке – где одна стихия мгновенно сменяется другой, активно подбадриваемая попутным ночным ветром, насыщенным влагой и чем-то иным, эфемерным, но ощущаемым.

Подходит к концу лето, и вновь становится видимым созвездие Тельца с его главной звездой Альдебаран. Огненный бычий глаз смотрит понуро на землю с укором. Месяц молодой не рад жатве. Не соло нахлебавшись, сидит в пустом доме воришка смешной. Пора уходить; на небесную лазурь он и так давеча смотрел, что глаза устали, а ведь новый приют необходимо вновь искать. Но вот мелькает тень – нет, не показалось. Какой-то человек. Стоит, словно мумия, и смотрит туда же, что и ты. А что, если попытать судьбы и облегчить его ширман, а может и «страдания» – как получится. А заметил прежде всего мальчишка эту тень по горящему кострищу, которое уже было заметным, и с хорошим потенциалом, поглощавшим все вокруг. А статуя стоит и не оборачивается. Заинтриговала ситуация озорника. Этот, даже по рамках своего реального возраста, низкорослый, с мастерством и легкостью мартышки или капуцина, мальчик, слез через окно и стал приближаться к тому самому месту. Тайком, медленно подходя, как маленькая рысь, к своей добыче.

Однако, жертва была не по зубам ему, пока. Его перочинный ножик, и семилетние ручонки, тряпье и нехитрый куш в виде наспех взятого бронзового подсвечника, завернутого в нехитрую ткань – полусгнившую парусину, с характерным узлом, который, впрочем, был сделан крайне посредственно, что едва держало за спиной всю эту систему, в перевес через деревянную квазитросточку, одолженную у какого-то невнимательного законопослушного гражданина и кустарно переделанного под «третье плечо», путем банального воздействия пилы или какого-то иного инструмента. Комичную ситуацию создавало и то, что в разгар ночи, на нем был головной убор, а этот «товарищ» явно не был из рода «детей-растений», который под лучами месяца представлялся крайне поношенным, затертым и растертым в отдельных местах

до дыр, прям как у некоторых представителей нового времени в начале их сногшибательной «карьеры».

Вскользь, прокрадываясь рядом со стоящими сарайчиками в один ряд и уже во всю горящей мастерской, малыш стал подходить к странному господину. В это время, замертво стоящий резко ожил; то ли резко пробились его ушные пробки, игнорирующее все, что происходило раньше, либо же он захотел слышать. Сделав полуоборот влево, в характерной для военного выдержке, с ровной стойкой, он вытащил из того, что можно было назвать жалким подобием легкого пальто, а именно Манлихер. И стал медленно подносить его к височной области. Мальчишка замер на месте, находясь на расстоянии сорвиголовной дуэли – то есть на расстоянии гарантирования попадания друг в друга, шагов семи-восьми, чем активно баловались напоследок некоторые русские офицеры и представители дворянства не в самом далеком прошлом, не имевшие никакого рассудка, как и всякий дуэлянт.

Услышан звук подготовки к стрельбе в виде характерного щелчка, проверка затвора. От испуга юный воришка теряет самообладание, и вся его конструкция с большим звоном соприкосновения бронзового сплава с камнем, падает вниз. Вместо ожидаемой реакции бегства, происходит обратное. Наш «капуцин» с неистовой силой, будто зубр, бежит прямо на стоящего. И с энергичностью, антилопы запрыгивает на шею, пытаясь захватить пистолет и содержимое небольшого чемоданчика в левой руке господина, что оказывает серьезную оказию на спину, и, естественно, позвоночный столб «жертвы», заставляя пригнуться прямо в направлении водной стихии, от неожиданного прессинга небольшой, но очень яростной силы сзади и стремительно потеряв равновесие, от внезапной атаки щупалец миниатюрного Октопуса в направлении рук. Через секунду пистолет выпадает из дрожащей руки, чемодан с треском разваливается пополам от падения с смешной метровой высоты. Стоящий на самом краю, падает вперед – в море. За ним же летит и оголтелый абордист.

С разинутым ртом от неожиданности, странный «самоубийца» стал получать с великим удовольствием громадные порции морской воды, так и не осознав, что случилось и до сих пор не стабилизировал свое положение, которые к тому же стало тянуть его на самую глубину – в этом месте глубина была всего сажень пять, однако он стал прекрасным грузилом для висящим на нем, до сих пор, ребенке.

КРАСНЫЙ РАССВЕТ

Хабаровск. 13 августа 1922г.

Уже как полгода в этом очаровательном городе большевики. Громадный купеческий дом с видом на прекрасный Амур – реку с шириной в две версты в здешних местах, реку с историей, повидавшей не одну тысячу рассветов и закатов. Такие реки ощущаются поособенному, внушая каждому гостю о своем могуществе. Проезжаешь Волгу, Енисей, Лену, Амур – и сердце бьется по-другому, кажется, что здесь свой черед ходу времени. Согласно китайской легенде, в давние времена чёрный дракон, обитавший в реке и олицетворявший добро, победил злого, белого, дракона, который топил лодки на реке, мешал людям рыбачить и вообще нападал на любое живое существо. Победитель остался жить на дне реки. С тех пор называют они ее рекой Чёрного Дракона.

Нам в этом плане с названием повезло лаконично и совершенно незабываемо. Дом прекрасен – один из лучших в городе, сочетающий в себе, казалось бы, совершенно несочетаемое – русский традиционный стиль, с оформлением стен, окон, и элементы западной архитектуры в проявлении мраморных балясин, ничуть не хуже Флорентийских или Венецианских и с большой вероятностью закупленных там же, как и большей части элементов интерьера.

Но не играют здесь давно дети из семьи купцов первой гильдии, не приходят повеселить местных ребятишек китайцы с «ручными» мишками, нет уже и коней в конюшнях, как и какой-то скульптуры из дерева, схожей на тотем языческий, хоть и был он скрыт от глаз долой и находился на обратной стороне дома – как раз на берегу названной реки. Вместо этого – склад с табличкой «боеприпасы», на самом деле – хранилище спирта.

Под открытым небом – поломанные скамьи, разбитая и грязная лестница, в суглиняковой земле возле летнего домика – закопанные в майские дни тела убиенных хозяев. Внутри смрад, привкус гари, который сменяется мерзким, душераздирающим крепленным запахом махорки, пропитавшей все комнаты.

Сидят ряженные товарищи, с напяченными и быдловатыми лицами в большинстве своем, раскинув ноги на все что можно и нельзя, в том числе и на стоящие на комодных шкафчиках портреты бывших жильцов, давно унесены вся утварь, распроданы на ближайшем базаре состоятельным господам за продуктовые наборы, украденные таким же образом только не у врагов нового миропорядка, а у самих себя. В подвальном помещении свезены неучтенные сокровища – но об это знают единицы. Люк, или как по обычаю говорится – крышка в погреб, с великой хитростью, скрыта от бессметного числа проходящих, наспех поставленным массивным сейфом, взорванным ранее, прям в центре пустой комнаты, смешно, ей – Богу.

Во время всеобщей анархии первых дней некоторые умельцы «срисовали» здесь несколько картин, оставив великодушную возможность лишь рамкам висеть на голых стенах. Однако вторая волна «энтузиастов дела», более прагматичных господ, забирала портреты зачем-то нужных им людей, которых они и знать не знали, прям в рамочном обрамлении. Впрочем, после месяца разграбления, вернее уже через полтора, наконец, к дому приставили караульных, которые так же оказались жуликоватыми свинками, однако, и их понять можно – в голодное время войны гражданской однозначно судить их тоже нельзя, так как и у них были семьи, и здесь включались обычные животные инстинкты добычи.

В такой обстановке шакалами и гиенами становились совершенно не склонные к падали, а орлами – вчерашние голубки. Здесь, наемни, сформировался некий съезд «ветеранов Красной Армии» и проводились некоторого рода неформальные совещания, выпивки и иного рода

неофициальные мероприятия, хотя официального и быть еще не могло, всеми силами народники-энтузиасты из Хабаровска, коих было среди дурачков тоже много, совершали весьма бюрократизированные мероприятия, даже в рамках «малин», описывая решения в виде бесконечных постановлений, декретов. Два года как существовала уже НРА, и плоды их работы, да именно, организационной, имели месь быть. Новая пролетарская администрация заседала в других зданиях города, и было принято решение прекращать превращение добротного дома в свинарник или в чей-то амбар, а дать его руководителям «армейских» подразделений. И вместо вечно полупьяных тыловиков большевизма, в короткий срок, в начале августа было зачищено все это безумие и проведена даже влажная уборка, однако все было к черту зря, новый контингент все так же любил покрасовать ногами, да и затушить сигарету об чтото добротное, но все еще не унесенное попутным мародерским ветром. Здесь – на втором этаже, в самой большой комнате дома стали проводить оперативные совещания некоторые подразделения названной выше, но не расшифрованной Народно-революционной Армии Дальневосточной республики. Готовились операции по основательному «освобождению» Приморья, ставшего костью в горле у многих, так как никто не ожидал, что белые до сих пор смогут удерживать окрестности Владивостока.

И вот на проведенной планерке между руководителями подразделений, которые собирались участвовать в будущей операции по зачистке всего Приморского края, под покровом ночи, ибо днем думается плохо, судя по всему; и был оглашен свежий секретный декрет, принесенный телеграфистом, о том, что необходимо разработать план мероприятий по внедрению в стан врага определенных групп сочувствующих, а лучше и военных, заявивших о себе, с точки зрения разведывательного дела, для проведения и сопровождения отдельных элементов т.н «крупных остатков» интеллигенции, в случае бегства иных, с ними, с последующими указаниями уже на территории, где они будут скрываться от власти пролетариата, и как уже доказано ранее, неоднократно – удаленно «спонсировать» и «препятствовать» идеям «мировой революции» в развитых капиталистических странах, где они чаще всего и находятся. Однако этот пункт был не основным, так как в большей степени требовались десятки, если не сотни – точный объем не указывался, доносчиков и разведчиков более простого назначения, а этот момент был проблемным в случае с названным регионом. За годы гражданской войны многие давно себя раскрыли, больше – погибло, костяк подполья, если такое можно было таким назвать – не сложился, по причине недостаточного приложения сил и внимания к этому региону в целом, так как вы помните, Россия необъятна, и много времени было потрачено на отвоение у различных сил белых и помогающим им интервентов в Сибирском регионе.

Но решать необходимую задачу нужно было здесь и сейчас, что и было решено, однако не в полном объеме. Выступил товарищ С. – человек безусловно легендарный, из «бывших», опытный. Он предложил решить вопрос с агентурной сетью. Ключевыми тезисами его выступления было следующее: белые не занимаются вопросами контрразведки, потому что им уже совершенно не до этого, во-вторых он подчеркнул, что в таком исходе событий – они долго не продержаться и заниматься действительно тем, над чем работали не покладая рук в свое время, еще дореволюционное, красные пропагандисты, не имеет смысла.

Данное заявление никем не было оспорено, из состава находившихся, довольно посредственных ребят, которые прекрасно гнали конницу навстречу попутному ветру, однако не владела умением решать такого рода задачи, а вот составить пару С. не сочлось возможным, за счет небольших возражением некоторого числа сидевших. Подведя итоги, не переходя на скучнейший диалог, было решено подготовить до сотни совершенно неподготовленных, однако точно подходящих, с малым риском, местных жителей из здешнего региона – так как хабаровчане ментально близки, где и дать необходимые инструкции и необходимое.

Определенные очаги «передачи данных» были в порту города, отождествляемого «центром» с рододендронном остроконечным, чтоб вы понимали – восхитительным кустарником с розоватыми соцветиями, произрастающему в подлесьях Приморья, Кореи и Японии.

Поэтому и было поручено связаться с местными, чтоб и передать в их управление добровольцев на период, до взятия города. После опробованного гостями вина из малого погреба – комиссары под утро разъехались и принялись за работу. Утром следующего дня, после некоторых согласований, и началась операция по нахождению и заброски людей во все сферы деятельности последнего оплота прежней власти. Тогда же были приняты критерии и сформулированы в виде длинных, но безграмотных с точки зрения языка и делопроизводства, так как, до юридических документов этим топорным указам было еще далеко, в которых были разделены на две группы условия принятия в ту или иную группу.

Ко второй группе – к группе «допроводителей», а на самом деле – к классу будущих блюстителей советского порядка в мире, если более точно – резидентной группы – были приставлены в помощь на поиск специалисты, отправленные первым поездом из Ново-Николаевска (Новосибирска), которые имели разводной ключ к поиску и определению таких людей, хотя сами не могли отправиться вместе с «нужными людьми». Однако проблема была решена оперативно. К тридцатому августа, были найдены и первые и вторые. С небольшим недобором, вторая группа – за счет людей, имеющих хоть какое-то образование, первые – за небольшим счетом – совершенно безграмотные, но толковые в бытовом понятии бывалые... Красный рассвет заходил над Дальним Востоком.

Хабаровск стал готовиться к взятию Спасска-Приморского – или как совершенно недавно называли его Спасское, а в современное время зовется он Спасском-Дальним – последним серьезным оборонительным рубежом, расположенным в двух сотнях от Приморской столицы. Даже куда более близкий Никольск – более известный сегодняшнему читателю как Уссурийск, не считался важным, и считался легкой целью.

А укрепрайон Спасска, в 1921 году сооруженный солдатами 8-й японской пехотной дивизии, представлял собой семь фортов полевого типа, являлся целью, перед взятием которой необходимо было создать генеральный план и обдумать нюансы. Чем неуклонно и занимались красноармейцы.

И вот уже третьего сентября из станции Вяземской, что под Хабаровском, расположенной вдоль недавно построенной казенной Уссурийской железной дороги, отправились на лошадях в обозе группа непримечательных людей типичной русской внешности, в направлении Спасска. С небольшим трудом пересекли пешим ходом китайскую границу, сели в подготовленную лодку в районе стыка озера Малая Ханка и Ханка (прим. – Большая), там где песчаная коса отделяет одно озеро от второго и пересекли гладь этого прекраснейшего озера, не спеша, за двое суток.

Высадились у селения именуемого Камень-Рыболовом, основанным за полвека до этого, казачеством, как опорным пунктом. А далее добрались нехитрым путем Никольска, а к двенадцатому сентября удачным образом и до Владивостока, не столкнувшись с хунхузами – китайскими разбойниками, которых в здешних местах было весьма порядочно, как и японцев с белогвардейцами. Этих людей было трое – и все они были приставлены к двум ярким персоналиям, которые все еще оставались в городе...

Захлебываясь, у тонущего хватило сил, чтоб покорить собственную силу тяжести и, наконец, вылезти из водной стихии, заодно и заговорить, содрав со спины мальчишку и с небольшим заиканием – вызванным достаточно прохладной водой, спросить, не без нецензурной брани, что это сейчас было и для чего это было сделано, откинув уже и переставшей внезапно дрожать рукой ребенка, словно кошку, или собачонку, на брусчатку.

И теперь заняв уже доминирующую позицию, нависая над ним. Но внешний вид Цербера был совершенно не устрашающим, а мокрое тряпье это усиливало, подчеркивало, утверждало. Человек напоминал полицейского – не сказать что толстого, из-за роста, скорей тощего, но весьма круглого на лицо, будто все съеденные расстегаи за его жизнь отложились не в подбрюшье, а в закромах щек.

В ходе странной беседы выяснилось, что этот господин был капитаном «дальнего плавания», который и решил покончить жизнь самоубийством по несказанной мальчику причине, однако, он сухо поблагодарил разбойника, спросив его имя и предложил пожить у него, пока тот не просохнет и пообещав некоторое довольствование. Разговорились так, что просидели мокрые до рассвета, но не без дела – потушили уже сгоревшую комнатушку мастерской, при помощи дырявого ведра, найденного неподалеку, благо до воды было близко, часть воды доходило до цели. Заодно физический труд согрел и побудил к общению, где совершенные разные по возрасту, еще час назад – абсолютно разные люди, один из которых хотел ограбить второго, сблизилась на уровне общения отца с сыном. Вероятно, это было связано с тем, что у всякого беспризорника, а этот мальчик таким и стал два года назад, по причине потери близких, затерявшись в портовой части, есть нужда в материнской и отцовской любви, хотя нет, скорей во внимании.

Все его грабежи – как рассказал он, были лишь для того чтоб свести концы с концами в его голодной жизни, что и было очевидно. Все это время он искал своих родителей – но не мог найти. Капитану, а звали его Евгением Николаевичем Врублевским, понравилась дерзость высказываний ребятишки Ивана, говорил все это он честно, прямо, и довольно нехарактерным для такого возраста, голосом. Прекрасный слух Евгения Николаевича чувствовал также и хрипоту в его голосе и подумал, что это от ночного инцидента. Подойдя к дому – они присели на скамеечке, и, рыжий, хотя и не совсем, скорей светловатый, с огромными голубыми глазами, весь в веснушках, мальчик, весьма по-детски, по-хорошему извинился за то, что мог сделать, если бы пистолет попал в его руки.

Две бродяги дошли до обители к рассвету, это был почти центр города, хорошая квартира на втором этаже в купеческом доме, с несколькими просторными комнатами и высокими потолками. А какая лестница была в этом доме – ни скрипа, а сама-то деревянная. Заходишь, бывало, в такой же дом, поднимаешься по такой же лестнице, а звуки, как будто полтергейст вселился.

Ванюша не растерял на улицах знания, данные ему до пятилетнего возраста – момента, когда он потерялся, некоторые проявления из если не высшего, но точно не самого простого воспитания хорошо выражались в некоторых вещах. Это метко подмечал Евгений, который разбирался в людях, с вершины своего возраста. Ему недавно исполнилось сорок пять.

Дверь открылась, и глазам Вани было представлено великое множество экспонатов. Квартира представляла некоторого рода миниатюрный паноптикум – в предбаннике гостей встречала литая фигура большого бульдога, размер с настоящего. А на стене, на реечках и гвоздях висели различные морские существа – образуя замкнутый цикл, круг, внутри которого висели круглые часы, которые на самом деле были стилизацией под какой-то навигационный прибор. Коридор, ставший объективным разделителем жилища на две части – два полюса, был увешан портретами и фотографиями. Больше всего здесь было природы, очень качественно заснятые на фотоаппарат. Ваню это безусловно поразило, не в корень души, но это было первым приятным впечатлением в его судьбе. Две комнаты из четырех были закрыты – на них висели крупные навесные замки аляповатого вида, с какими-то ленточками красного цвета.

Присели, скудно поели, хозяин не обладал великим запасом еды, кулинарных изысков здесь не было. Каша обычная, солонины немного. Самым вкусным – запоминающимся для

мальчика стал чай. Вот это поразило его – он попробовал его впервые в своей жизни. Чай действительно был хорош, байховый, который был сделан в небольшом самоваре!

Кажется, что капитан все же умудрился запудрить мозги несметным количеством рассказов, про этот чай, ибо гость даже устал и осоловел от не самого сытного, но казавшегося объемным, то ли завтра, то ли обеда. Да, капитан был таким – еще три часа назад был пред смертным одром, а теперь спокойно рассуждал в стиле лектора какойнибудь провинции Хубэй, по чаеведению. Но его глаза испускали невероятную тоску – несмотря на внешне радостный тон, который скрывался маской веселого взрослого. Общение было долгим. В ходе которого Евгений рассказал о себе очень много.

Рожденный в ноябрьскую ночь в Кронштадте – в семье известнейшего в Российской Империи потомственного военного врача, и балерины Петербургского театра, Евгений рос смышленным ребенком, однако весьма болезненным. Часть жизнь он прожил на юге, со своим дедом – участником Крымской войны и некоторых южных походов – человеком жестким, принципиальным.

В тринадцать лет он сбежал от него, несколько лет скитался по разным городам юга России, бывая в различных житейских ситуациях, напоминая ему сегодняшнего Ваньку.

Хотя ушел он не от бунтарства максимализма, а от бесконечных пороков и унижений, его – с весьма уязвимой психологической составляющей, хоть он и не был трусом, плаксивой девочкой, но точно не был brutальным и жестковатым как трехлетний сухарь, и не готовым к неукоснительной дисциплине, человеком.

Однако Евгений был поражен тому, что он то был старше, причем гораздо, и не представлял как в семь лет отроду, этот хрупкий мальчик, как и тысячи, если не миллионы подобных ему, скитались по городам и бесметным тропам гражданской войны, погибая от голода и лишая жизни граждан, попадая в вооруженные отряды всевозможных сторон конфликта – а особенно, непонятных Евгению таких как анархистов. При всем этом он оставался человеком умеренно-консервативных взглядов с времен детства, однако не терпел унижения, навязанного патриархальным скудоумием.

В пятнадцать лет он остепенился, вернулся в Петербург – чем очень обрадовал своих родителей, не знавших практически ничего о нем. Поступил вольным слушателем в университет по филологическим дисциплинам. Думал о поступлении на биолога. Затем передумал и поступил по стопам отца и деда по материнской линии, а именно на медика. Учился долго и нудно, почти все ему нравилось. Но слишком много крови не выдержал он и ушел на четвертом году обучения. Все это вызвало большой скандал с родителями. На год он был втянут в идеи социалистов – его ближайшего окружения, но быстро понял, что это не его, подался обычным юнгой на грузовой корабль. А дальше все завертелось само.

Под вечер мальчишка рассказывает о своих попытках найти семью. Оказалось, что и он не из местных, а его родители – тесно тоже связаны с военными. Какая страна – такие и специалисты. Рассказывает тяжело, с большой грустью, помнит все. Не понимает – почему его не нашли. Рассказал, как он жил первую зиму в частном приюте, рядом с умалишенными, неподалеку от города. Затем как сбежал оттуда и вновь вернулся в портовый край. Как его заставляли воровать и отдавать все и держали на цепях какие-то «темные люди», вероятно какие-то цыгане. Слезы и на лице Евгения, особенно после того, что необученный грамоте и арифметике ребенок рассказывает о великом количестве подобных ему и о тех нравах, которые стоят в этом совершенно другом мире. Г-н Врублевский хочет дать надежду на поиск его родителей, но в ответ на явное желание быть услышанным со стороны мальчика – молчит. Он понимает, что это невозможно по ряду причин.

Прежде всего, потому, что он скоро отходит с судном из города, где будет помощником капитана сравнительно большого океанского судна, которое будет покидать город через

несколько недель. Чтоб отойти от болезненной и не обещать невозможное, он решается перейти в повествовательный тон романтизма и рассказать о своих путешествиях по городам Европы, Японии, о том, как он десять лет назад прошел на судне от Каира до Цейлона. Евгений показал большую карту и рассказал впечатлительному Ивану о славном мире. На душе у него было очень тяжело. Он упустил историю про свою личную жизнь.

А там было все очень и очень печально. Несколько недель назад он потерял свою жену, год назад – своего сына, подозрительно похожего на бездомного Ванечку, сидевшего у него, в кресле, все время сглатывая, ощущая спазм в горле. Но пытались убить в себе ту невероятную боль утраты, и кажется, понял, что у него есть шанс, нет... его все же не было. Это был совершенно чужой мальчик, и если было все хорошо, то он бы помог ему найти родителей. Увы. Капитан не обращал ни на грязную одежду ребенка, ни на то, что скорей всего он обладал вшами, он спокойно дал ему, где переночевать, а на следующее утро, встретив, пока мальчик спал – впервые в нормальных условиях за все это время, своего приятеля, договорился о том, чтоб его привели в порядок в банном учреждении. Так и свершилось. Евгений сходил на рынок, где купил то, что имелось, а так как город был морской, то, по крайней мере с рыбой проблем, и в те дни, не было, и приготовил нехитрый, но весьма недурный завтрак. После того, как Ваню искупали, ему нашли одежонку, которая осталась от сына добродушной соседки Е. Н. Врублевскому некуда было спешить, корабль еще даже не был пришвартован, и находился у берегов Японии.

Он решил предложить прогулку, и чем-то угостить юного разбойника. Знал бы, что мог уже как день лежать мертвым грузом, а вместо этого спокойно себе здравствует. Ваня проснулся с не самым хорошим настроением. Сухота во рту, устойчивое желание получить махорку. Проявлялся синдром отказа от сигарет. Да, в таком возрасте курили в его неблагополучном окружении все. Он не курил уже несколько дней, и сегодня, эта пагубная привычка стала давать о себе знать, нахлестывая болезненное сознание его, с силой волны высоты в трехэтажный дом. И это в таком маленьком теле, растущем организме.

Табачный запах от одежды услышал еще вчера Евгений, однако, в меру своего окружения, он и знать и не знал, что такому может быть подвержен семилетний ребенок. В его молодость все это начиналось как минимум на несколько лет позже. Нервное напряжение, испускаемое зависимостью от никотина, проявлялось с каждым часом все больше и больше. Если бы не вчерашнее общение – среди которых симптоматика затерялась, то капитан бы заметил это раньше.

Однако, будучи человеком некурящим, прежде всего из-за детских проблем с бронхами, Евгений Николаевич, не сразу замечал тяжелую степень интоксикации у своего временного подопечного, но все же думая, что это ему показалось, несмотря на бледное лицо, недостаточный вес и рост – он то знал, какими должны быть дети, так как планировал работать детским врачом в Сестрорецком санатории, который тогда планировался к построению.

И был открыт – но уже тогда, когда наш герой держал путь на Геную и Марсель. Е.Н же понимал, что бродяжническая жизнь – далеко не сахар.

Ваня чувствовал жажду и не мог ее утолить. Вчерашняя хриплость в голосе – связанная капитаном с переохлаждением, на самом деле была проявлением полторагодового стажа курения всякой дряни, попадающей в логова воришек, и проявлением отказа от папирос. В этом возрасте стаж считался один за три и Ваня уже считался серьезным курильщиком.

Сидел в кресле, и помимо периодического осмотра всего, лишь для того, чтоб найти спасительную пилюлю – в виде чего-либо, но обязательно табачного, хоть цельных листьев сухих; и с такими встречался, или с более традиционной формой – легкой крупки, в измельченном представлении, бесконечно вспоминал, так как больше и ничего не лезло в голову, как эта дрянь смердящая вошла и в его жизнь. А воспоминания были не из легких. Лето двадцатого

года, он уже три месяца как бродит по улицам города в поисках еды. Прибывается к стайке – а по-другому и сказать нельзя, мелких, примерно таких как он, хотя и были и пятнадцатилетние ребята, жуликов и воров и иных элементов. Но там была жесткая иерархия – попав в которую, однажды, трудно выйти живым. Одному быть трудно, он почти погибал от голода, по глупости сбежав с ранее указанного заведения.

И это было его спасение – здесь делились с кормежкой и там нашел он хоть какое-то место не под открытым небом, что и спасло его в первую осень и зиму, самое трудное время для таких как он, словно как и для птиц и зверей – активно подкармливаемых людьми, но себе же подобных никто не кормил, а иногда и вылавливав – издевался.

Ваня очень сожалел об этом периоде и если перевести на литературный язык, то можно было его отношение подать в виде одной фразы: «Уж лучше лечь костыми за землю, чем быть рабами у зверей». Всем этим неорганизованным сбродом на самом деле управляли кураторы с преступных группировок – т.е. обычные бандиты, заставляющие воровать и приносить сворованное куда надо. Иван был обычным цепным псом у одного из этих страшных людей, форточником. Однажды ему «повезло» – его схватили на месте кражи, и после тридцати ударов по спине, и бегства его поделщиков из более взрослых, таким образом отвязался от этой братии.

Но перед этим он был посажен насильственным путем на сигареты, чем активно пользовались господа, которые таким образом буквально привязывали к себе малолетних бандитов. Те, кому было больше годков – конечно находили способы найти махорку, а вот не самые сообразительные по разным причинам своим – были обязаны идти на поклон за очередной дозой. Но и дальнейшая жизнь и вторая зима не были прекрасны, и тогда он нашел другой «коллектив» и там они были уже независимы в своих «начинаниях» и кое-как его жизнь стабилизировалась, он стал умнеть и понимать всю тяжесть бытия с высоты более взрослого, чем он был в реальности, человека. Не мог он это все рассказать даже себе самому, так как были в тех воспоминаниях и черви, тараканы, вши и борьба с ними, невероятная антисанитария, убийства и что самое страшное для мальчика – это крысы. На этом его воспоминания были прерваны, и у него появилось сильное чувство тошноты.

Капитан вернулся домой и отвел парнишку в баню, по итогам которой он стал, наконец, похожим на себя. Не хватало лишь помощи цирюльника. Туда и направилось, зайдя заодно в булочную.

Да, она не была такой, какой еще была пять лет назад, не такой праздничной и вечно заполненной живой очередью из дам в замечательных платьях, и господ, с вечно начищенными до блеска, мальчишками из-за угла, туфлями, но запах ванили и кондитерских штучек, перебивал всякий остаток парфюма с каждого посетителя, если таков был, устойчиво сохраняя приятные ощущения для носа и оставляя в ее памяти классический запах безмятежного детства жителя любого из многочисленных городов империи, с удовольствием отдававшего копеечку или рубль за покупки здесь.

Заглядывая вперед, все будет не так радужно, и на десятилетие мастерская семейного счастья превратится в совершенно безнравственную наливайку, в которой каждый проходящий мимо, обязательно нагрет, на сознательном и подсознательном уровне оплакивая ту самую добротную пору. Но воскрешение будет, и тогда, это небольшое здание станет и кулинарией, первой в этом городе, и самой лучшей, сохраняя в памяти то добро, заложенное в первом ярко-оранжевом кирпичике, основателя.

Купив булочку с маком, багет, и еще какие-то изделия с сладким наполнением, Ваня с большим удовольствием стал поглощать их. Как и все – что попадалось ему на зуб. Это стало отвлекающим маневром для растущего желания покурить. Пока капитана не было дома, ребенок с манерами, добытыми им за все это время, обыскал все, что мог, с замечанием – ничего не взяв, в поисках табака, и очень расстроился. Но сладкая, только что выпеченная булочка

на время успокоила его, что имело в себе определенные физиологические свойства, но он так и не отважился попросить купить табака – достаточно дефицитного товара, который не так просто и легко можно было купить в конце августа двадцать второго года.

Ваня мало говорил, но много ел, забывая свой желудок и мозг тривиальными задачами, отвлекаясь от злосчастной страсти к дыму и пусканию колечек дыма. Чего он только не попробовал в этом, казалось, некурящему, простейшем, отупляющем занятии – от нюхательного табачища, до жевательного. Последний он особо не любил, но встречался он ему часто, по причине своей «приторной невкусности» и сильного, дурманящего эффекта, вызванного прожигающего всю ротовую полость содержимого массы, завернутого в небольшие квадратики или кубики.

Но это ведь не был пилённый сахарок, не имеющего никакого вреда, за исключением разве что негативного воздействия на фигуры дамочек, а отвратительная на вкус прессованного или скрученного в жгуты сухой субстрат, который он – по тупости своей, даже не сплевывал, а проглатывал. И с великим удовольствием вспоминал о ней и о том иллюзорном счастье, которое заводило его сердце в такт больного тахикардией.

ЧУДА НЕ БУДЕТ

Идет активная работа к массовой эвакуации части городского населения. Став Правителем, Дитерихс заявил в интервью в июле: «Вопрос об освобождении России мне представляется чудом». Он понимал, что чудес на свете не бывает. Но у него был выбор. Рискнуть, ввязаться в драку, пусть даже проиграть – или продолжать тачать сапоги. А еще у него появился шанс закончить во Владивостоке дело чрезвычайной важности. Уголовное дело об убийстве последнего российского императора Николая II и его семьи. К двадцатому августа он отказался от всего в пользу крайне болезненной, но более рациональной идеи широкомасштабной подготовки к окончательному уходу из России. Тяжело быть тем, кто подписывает капитуляцию. Да, в этом случае эвакуация была именно ей.

«Маленькое национальное приамурское государственное объединение, горделиво и смело выкинувшее знамя борьбы за Веру, Царя и Отечество, конечно, будет раздавлено и стерто с лица земли, – честно вещал Правитель в обращении к народу. – Нечего скрывать, что у нас нет ни денег, чтобы жить, ни патронов, чтобы защитить свою жизнь...» – об этом он сказал несколько позже.

Нужны были корабли, нужны были организаторы, шла активная и сложная «работа с Американскими континентами», где «заокеанские русские» готовили почву для швартовки будущих кораблей с людьми. Проведены наборы команд, идут тяжелые и долгие разговоры с Японцами по судам, топливу, и иным вопросам. Последние остатки средств тратятся на доукомплектование, на сдерживание противника. Японская империя всеми силами желала получить как можно больше навару, прибыли, гешефта на происходящем. Пришел срок пожинать жатву, иначе скоро здесь будет ураган, который все это снесет, как будто и не было этого всего. Прочитавшие в мягких креслах своих домов, недавно опубликованный рассказ Ивана Алексеевича Бунина – «Господин из Сан-Франциско», еще не задумываются, что часть из них в прямом смысле этого названия могут стать жителями сего города, недавно пережитого сильнейшее землетрясение.

А еще часть – уже в смысле названия, данного автором, должны были задуматься над идеями суетности той жизни, смысл которой наполнен лишь погоней за деньгами, состоянием и развлечениями, утехами. Такой знакомой многим из них. И будто кажется – что все, что произошло недавно, и является платой за все эти греховные деяния. И что не просто так все произошло, и теперь они, как и Наполеон, будут сосланы на остров Эльбу, чтоб осознать это, а если не поймут – то и на свой Остров Святой Елены. То есть – до конца своих дней. Конечно, на деле все будет не трагически, но не для всех, потому что и по состоянию на августовский день не все отойдут от своего ремесла похоти и гедонизма. Одними из первых стояли в очереди на запись «на счастливый билет» в неизведанный мир по ту сторону Тихого океана, лица, замеченные на том самом рауте.

Всего через пять дней после, они консолидировались в одну группу и вероятным образом планировали отправиться жить в ЛосАнджелес, столицу Калифорнии, одного из самых крупных городов на западном побережье США. Это был наиболее распространенный вариант, так как в Южную Америку суда решили не отправлять, и попасть в нее представлялось трудным делом, да и зачем, если была еще Канада, Мексика, а кто средств имел достаточно – чаще всего представленных драгоценными металлами или бриллиантами, перебирались в Европу.

Конечно, бедноватое большинство, никуда и не собирались. А несколько тысяч среднего и высокого достатка с великим желанием подбирали как можно лучшее судно – чтоб было мягче и быстрее, и чтоб соседи – если были, позавидовали. Но это касалось лишь наибо-

лее выносливых «тиранозавров» из прошлого. Большая масса собирающихся уехать была куда менее богатой и не являлись ярчайшими сторонниками покидать свой край, свою отчизну.

Первая группа – это «туристы» и «гастролеры», колесившие в такт с победами и поражениями белых, странного мышления, вроде и не трусы, нуждающиеся в бесконечных игрищах и активных действиях, непреременные спонсоры, иногда и крупные землевладельцы, не успевшие вовремя покинуть свой регион, и разъезжающие по России в надежде успешных контрагтов и возвращения потерянного недвижимого имущества.

Такие даже не стояли в необходимых для бюрократов очередях, их знали пофамильно, и в городе было таких не больше дюжины. За двадцать лет до этого, коммунист Дзержинский в письме сестре Альдоне про таких, как эта дюжина напишет, причем вполне заслуженно и объективно: " Во сто крат лучше работать за меньшую плату у хорошего человека, нежели у тех подлецов, которые за деньги, которые тебе платят, готовы высосать не только силу твою, но и нервы, и здоровье, и жизнь. Они хотят купить не только работу, но всего человека целиком. Они превращают человека в товар, и это самое ужасное...»

К первой группе еще можно отнести ярых представителей «контрпропагандистов», людей публичных и общественных, пишущих различные были и небылицы про своих антагонистов, в том числе в местных газетах, например, журналисты «Слова» – ярые антисоветчики из преимущественно богатых семей. Ко второй группе можно отнести консервативное сообщество врачей, ученых, преподавателей – даже столичных университетов, да, их судьба довела до этого края земля, люди вполне спокойные. Небольшая группа духовенства, и конечно крупная свора начальников и бесконечных заместителей разного уровня, иные сугубо-военные элементы. Ну и местные торгаши – далеко не все, вот эта группа все голосила и оплакивала огромные сундучки и пыталась упрятать в лесочках и борах то, что не могла увезти, согласно регламенту. Этот небольшой по хронологическому признаку период был богат на создание тайников, кладов, в надежде, что они когда-то за ними вернуться.

Некоторые, особо чудаковатые представители «кладосоздающих» будут прятать свое имущество под водой, причем крайне небрежным образом, скидывая все крупногабаритное добро с острых вершин скал, в тихих бухточках, вместе с мебелью, которая по понятным причинам разрушалась. Лишь бы не досталось – девиз многих глупцов. Но не все узнают, что немалую часть найдут ищейки пролетариата и совершенно мизерное количество людей когда-то вернется к своим тайничкам.

Первое судно, предназначенное для эвакуации зашло в порт пятого сентября. Именно этот корабль двадцать дней назад ночью ушел в направлении бескрайних горизонтов, за «соглашением».

Он выполнял задачу – о которой можно было догадаться, но озвучить не имело смысла, так как через несколько десятилетий скажет индийский религиозный деятель Ошо: «Пока Истина не стала вашим личным опытом, что бы вы о ней не думали, это только убеждение. А все убеждения – ложь, и все убежденные – слепы.»

И как вы понимаете, в более понятном для русского человека формулировке, ваш покорный слуга свечи не держал, когда вышеописанный объект бороздил моря и океаны. На четырнадцатое число было назначено отправлено. «Счастливые билеты» получило до семи сотен людей, намеревалось, что судно еще заберет нуждающихся «в спасении». Полностью оголять город никто не разрешил, военные там были – но только отставные, высокого ранга, да и раненые, но конечно, не из простых солдат. Пароход был не без роскошей, как и полагалось такому судну.

Люди не составляли большую часть полезной нагрузки, это было и так очевидно, но замечу, что три дня до этого – с небольшими перерывами, в него загружали явно не чемоданы пассажиров, а крупные и тяжеловесные деревянные ящики, реже оцинкованные контейнеры, над этим трудилась «группа» из примерно тридцати мужчин, имеющих феноменальную

силу и необычайную выносливость. Словно все они – братья известнейшего Ивана Поддубного. Иных сюда и не брали, за исключением юрких подростков, нужных для закатывания в нужные, труднодоступные для широкоплечих, места, совершенно смешных по объему бочонков. Да и таким образом предоставляли хоть какую-то оплату, во времена безработицы, чтоб те имели хоть какие-то средства на выживание. Достаточно скромно, с небольшим количеством провожающих – если и уезжали, то целыми семьями, кто будет провожать то, если только не приближенные, и по каким-то причинам не взятые в долгий путь служанки, домработницы, гувернантки. Ранним утром корабль покинул гавань и отправился первым, флагманским образом, пробивать дорогу до такой далекой и непонятной Америки – обросшей большим количеством мифов.

Если про Европу знали весьма много, то единственные, что помнили многие пассажиры про Новый свет – так как это про гражданскую войну, произошедшую там полвека назад, что не успокаивало, а наоборот усиливало напряженность и заставляло задуматься над тем, а что если повториться? И снова бежать? Мир не так и бесконечен. Сюда очень точно подмешивался призрак мировой революции – окутавший страхом ее противников. Многие смеялись над революционерами пятого года, но ведь это было зря. Никто не верил в революцию в Германии – но она же произошла, о чем говорить про Россию. Мало кто вспоминал ухмылки в адрес студентов, проводящих малоудачные террористические акты на местных чиновниках в разных уголках империи – но не так смешно было, когда узнали о покушениях на императоров, которые привели к известнейшим последствиям в итоге.

Помнится и смерть Столыпина. Тремор овладевает лишь мыслью о том, что большевики доберутся до каждого из наиболее проявивших борцов с ними. Это было тяжелое время, когда чернь, люмпены – именно так их называли многие здесь, наступала семимильными шагами по всем фронтам жизни.

Теперь хоть напрямиком на плаху. К двадцатому сентябрю обещали подготовить второй корабль – теперь на него было куда более попасть, и в порядке условной живой очереди, большинство из тех, кто были на том самом рауте, попадают на судно, первым или вторым классом, в зависимости от таинства распределения. Семнадцатого сентября большинству разносят письма добродетельные разносчики писем.

Открывая каждого из них – удивленным образом упакованное в конверт из дешевой бумаги письмо, растиражированное печатной машинкой, за небольшим исключением различающаяся по фамилии, имени, отчеству, кому это письмо было адресовано, и от печатки и подписи – кем учреждено разрешение. Отправление было назначено на двадцать четвертое число. Город все еще жил мирной жизнью, Спасск держал оборону, японцы еще не покинули регион. Все было так, как и месяц назад, за исключением одного – момент времени, когда жизнь должна будет круто измениться в очередной раз, нещадно приближался.

Наступает время прощания, невеселых сборов, местные впервые осознают потерю своих домов, неместные – это уже прошли, их дома уже давно сожжены, разворованы и захвачены чужаками. Мило наблюдать, как гости – приезжие, успокаивают сердобольных барынь, оплакивающих все, что не могут взять с собой, в отдельных случаях – истоптанные сапоги то ли брата, то ли мужа. На каждого человека установлен строгий лимит по багажу, равный нескольким пудам живого веса. Первоначально запрещается провоз питомцев – нет, никаких проездных документов тогда никто не просил, но истерика детей и жен, капающие на седые и лысые головы глав семей, заставляют обратиться с коллективной просьбой смягчить ограничение, и их просьбу удовлетворяют – собаки и кошки имеют право в ограниченном количестве покинуть Россию и больше не

оставить здесь своего потомства. Великая потеря конечно же...

До салона оставалось не больше сотни шагов. Это было достаточно примечательное здание на Светланской улице, названной в честь «Светлана», на котором тогда посетил Владивосток Великий князь Алексей Александрович в 1873 году. Самое удивительное, первое ее название – Американская. Она была названа в честь парохода-корвета «Америка» – первого российского судна, исследовавшего залив Петра Великого в 1859 году. Американская улица стала главной и вроде бы как первой улицей Владивостока. Через пару лет ее переименуют в Ленинскую.

Так очевидно и так глупо, как и в сотнях городов, создавая образ «божественного» вождя, наспех уничтожая то, что еще вчера было частью настоящего, а сегодня – проклятием нового режима. Но об этом не в этот раз. В этот день все было еще по-старому, и капитан – одетый по уставу, как и полагалось – ему нужно было еще зайти в портовое управление, отвел мальчика к своему личному цирюльнику, старому еврею – Борису Моисеевичу, который был его близким другом и также планировал «отчаливать» в скором времени. У него была первый и самый лучший салон в городе, открытый еще его отцом, и перешедшим ему по наследству.

Он попросил своего друга найти мастера, который бы справился с непоседой, которого он привел, вызвав странное выражение лица у всех тех, кто частенько бывали здесь и попивали кофе с прекрасной выпечкой, в ожидании своей очереди подправить прическу, бородку или усы. Здесь стояла своя, аутентичная атмосфера, где поход к парикмахеру – не являлся первичным, а лишь дополнял эту обстановку, пропитанную запахом только что выпущенной газеты – купленной у юнца на переулке, и чем-то еще. Так было не только у Бориса Моисеевича, это характерная черта того времени, исчезающему с стремительной скоростью. Такой обстановки уже не будет никогда, все станет куда прозаичней.

Оставив мальчика, без пояснений – показав непонятный для чужих жест, Евгений сообщил, что ему нужно отойти на часок, а затем он вернется и заберет мальчишку, а если немного опоздает – то попросит угостить его чем-то, и за это позже заплатит. Да и едва не забыв, уже на выходе сказал, что прическу делать на свое усмотрение, так как ни он, ни естественно его патлатый, с свисающими до плеч волосами, подопечный, не разбирались в этом сложном деле.

Рука болела нещадно, но он не подавал виду, с легким шагом, словно молодой человек, скорейшим образом направился домой. Минут через пятнадцать он был уже в квартире. Взял ключи, спустился в погребок – да, в его доме он был, где помимо пустой тары, где с трепетом нашел упрятанную между пустыми бутылками вина маленькую бутылочку, вроде бы с нашатыря, внутри которой оказался кристаллический порошок белого цвета.

Он применял его уже на протяжении двух месяцев – после сильнейших болей, овладевающих его руку, и норовящих лишить его работы, которую он так не хотел терять. Это был морфий. Он взял шприц и развел с ранее подготовленной водой, в нужной концентрации, сделал себе инъекцию чуть ниже плечевой области, облизнулся в предвкушении счастливого облегчения. Он успел добежать, так как малейшая отсрочка очередной инъекции грозит нестерпимыми болями в мышцах, суставах, внутренних органах, кровавым поносом, рвотой, нарушениями дыхания и сердечного ритма, фобиями и страшными видениями.

В скором времени, как только инъекция попала в его кровь, боль постепенно стала уходить, давая неким образом мифическую эйфорию. Тот доктор, назначивший ему морфий, забыл сказать одно – нельзя было применять его так, как это делал капитан, не знавший о губительном влиянии этого наркотика, который для него был лишь анестетиком. Морфин гулял по миру и всегда приводил к быстрому привыканию.

Очень быстро он покорила и капитана, хотя это он еще не осознавал, думая, что таким образом лечит боль. А боль то была фантомной. Примерно как месяц он перешел в первичной стадии наркомана – человеком, имеющим зависимость. Зачем он продал ему так много порошка, не знает никто. Это был суррогат, который еще больше усиливал эффект, чем условный «морфий». Он поблел, откинулся на кресле, его зрачки были сужены – в таком состоя-

нии он просидел с полчаса, его дыхание и сердцебиение замедлилось, он почувствовал удовлетворение своего знойного желания прекратить болезненные ощущения. Непонятно, почему он так и не обратился повторно к врачам, ведь он же сам должен понимать, что лечение не есть анестезирующий эффект. Но увы, вокруг не было знающих понимающих, а он медленно и верно начинал себя убивать.

Одновременно с этим, нарастающее желание курить у мальчика, вырывалось из его тела. Шел четвертый день, когда он перестал употреблять свое утешающее средство, имеющее такое же страшное и коварное влияние, как и вышеуказанный морфий. Повезло и у него. После подстрижки его угостил заядлый курильщик, который все время, пока Ванечка находился в кресле, обольщал его нюх запахом свежего и «вкусного» табака, сигареты, которую он провокационно раскуривал, затмевая его маленький и глупый мозг, принуждая думать только над тем, когда он вырвется из под опеки совершенно не нужного его парикмахера, а вел он себя раздражительно, ощущая запах табачного дыма. Мастер даже оскорбился таким поведением, перестал пытаться успокоить ребенка, не понимая, что на самом деле является красной тряпкой для быка из испанской корриды. Он лишь строил гримасы в зеркале, все время мешая человеку сделать свое дело. И да, его боги услышали его мольбу, его угостили – без всякого зазрения совести со стороны «угощавшего» и он был безмерно благодарен, получив длительным воздержанием мощнейшее удовольствие, и казавшуюся приятной слабость в ногах.

Непродолжительное время он ощущал себя Лермонтовским героем, воображая, что бьется в горах Кавказа с врагом не на жизнь, а на смерть, даже размахивая руками, ничего не говоря, испуская пену со рта, что было достаточно странно, зная клиническое действие опиатов, хотя почему – ведь это все довольно индивидуально. Но сознание постепенно приходило в себя, и еще через несколько минут он восстановился и вспомнил, что надо бежать в цирюльню и забирать того, кого взял под опеку, забыв на кратковременный промежуток даже его простое имя. Два идиота – скрывающие друг от друга свою болезнь, один старый, а второй молодой, вновь воссоединились, и побрели домой, где капитан, получив «заряд легкости», распевая какую-то песню, приготовил обед, накормил юнца, а тот и не был ему рад, так, как спрятанному в карманчике сушеной дряни. Потеря аппетита имела место быть после прокуренной дотла папиросы. Вскоре после обеда, Евгений Николаевич направился в порт, где начал работать в составе команды, которая через три недели будет готова к отправке в Америку. Все последующие три недели проходят крайне скучно, это время от дозы к дозе, явного сокрытия своей пагубной привычки, причем весьма удачного, позднего осознания и понимая того, что он уже не может отвязаться от сего ремесла. Ваня одно время живет у Евгения, затем исчезает почти на три две, еще с большей силой разочаровывая брентную жизнь капитана, однако появляется, как ни в чем не бывало, в десятых числа месяца...

Дозировка морфием постепенно растет, и он относительно скоро закончится, хотя у него его вполне достаточно.

Все дни он связан с судном, часто, от любопытства, с ним путешествует и Ваня, которого он называет сыном, несмотря на то, что все знают, что его сыну гораздо больше лет, но не встречаются с лишними вопросами, да и не до этого всем. Разрабатывается план хода, где обязательными пунктами являются остановки в Петропавловском порту, где необходимо будет «подкрепиться» запасами угля и иных средств, и некоторое изменение курса,

из-за того, что запасов топлива не хватит, с еще одной остановкой в Ванкувере, а затем только до финишной прямой в Лос-Анджелесе.

Путь обещает быть долгим, и запланированный ранее выход первого октября переносят на неделю раньше, из-за того, что корабль не является хорошо приспособленным к дословно формулируемой начальством порта города к «погодным явлениям, которые могут быть проявлены в осенне-зимний период». Евгений, как и обещалось ранее, получает ту должность, на которую и рассчитывал.

На вопросы о семье всячески отшучивается и никому не говорит, что ее нет в живых, скрывая этот факт по непонятным причинам. Все идет своим чередом; без всяческих эксцессов провожают первый корабль, ушедший из города с большим количеством людей. Второе судно – на котором пойдет г-н Врублевский, будет куда менее скромным, но не тем не менее, проходным – именно по такой пути должны будут пройти еще семь пароходов такой вместимости. Наш герой являлся единственным из команды парохода, повторюсь, единственным, бывавшим ранее на Американской земле. Правда, тогда он ходил по другому маршруту, но тем не менее. Даже «главный командир» судна не был там, за исключением одного старого похода близ Аляски, когда тот еще был китобоем. Вся команда насчитывала двадцать семь человек, при необходимых тридцати шести. Это было обусловлено решением морского департамента – вернее той структуры, которая в этот момент времени занималась всеми вопросами, связанными с «морской» частью вопроса эвакуации, по причине нехватки кадров.

Как хорошо и как прекрасно, что урбанизированность тогда еще не обрела таких масштабов, как в Лондоне, из-за многочисленных кварталов трущоб. Владивосток был молодым городом, не без узких проулков портовой части. Но здесь все еще можно было дышать во весь рост, где все еще были сосенки и ели, и конечно очарование бухты Золотой Рог. Здесь – в теплый и безоблачный день, двадцать третьего сентября, дня, когда ночь вновь доминирует над дневным светом в северном полушарии, можно было заметить интересную картину, прогуливаясь по улице Набережной в направлении Семеновского базара, Семеновской, Фонтанной улицах, а немного позднее и по Николаевскому и Центральному проспектам. Здесь, помимо обычных пешеходов, трудно было не заметить группки, расхаживающих дам с платочками, и какими-то финтифлюшками, всех в слезах и печали. Так прощались хозяйева прежней жизни. Разобщенно прохаживались по родным местам с детства, или ставшим родными за этот короткий миг, мужчины, обязательно с тростями, в парадных костюмах, подчеркивая свой статус.

Трости в тот день были с ними не потому, что все они были хромыми, а потому что так надо было – по негласному правилу. Благоухающие дети прямо между родителями, затмевали стройным шагом всю дорогу, не давая проходу проезжавшим, на редких в ту пору, автомобилям.

Попрощались все также и с трамваями, гордостью Владивостока, ставшего первым городом на дальнем востоке Российской империи с трамвайным сообщением всего десять лет назад. Проехались на «городских поездах» и непосредственно создатели – основатели, инженеры и глава первого трамвайного депо, так как второе как оказалось позже, и не использовалось по своему назначению. Не отметят они десятилетний юбилей трамвайного сообщения, в узком кругу всех, кто был причастен к этому важному этапу для каждого города. Завтра большая часть из них покинет город, не желая этого, часть останется – и примет мученическую смерть за сотрудничество и сочувствие «буржуям». А кому-то повезет. Много слез прощания будет сдержано, а еще больше – вылиты.

Но это нормально, как и нормальна, естественна любовь гражданина к своей родине, по крайней мере, если она точно искренна. Вещи были собраны, ключи отданы, указания отданы, подарки на память сделаны. Прогуливались по абсолютно чужому городу и никогда не бывавшие здесь даже с проездной целью три господина из «Москвы». Изнурительным оказался им переход, в обход Спасска. Они чуть было не сорвали указания своей власти – лишь подкупив золотом чиновника из «белой» администрации, им удалось получить разрешение на выезд, где они – по подготовленной в краткий срок легендам и документами, являлись представителями журналистики из какого-то небольшого города в средней полосе России, то ли Тулы,

то ли Орла, дабы не быть обнаруженным – мало ли что, если бы взяли считать вхожими в мир Москвы, или не дай Бог самого Петрограда.

Уж сильно много подводных камней и лишних «знакомцев» могло быть и поступили весьма верно. За то время, пока они находились здесь, они вышли на все нужную подпольную ячейку. Передали пламенный привет от большевизма и нечто, что было необходимо, без лишних объятий, получили временное жилье на самом окраине города на улице Луговой, в заброшенном домишке из морского камня, абсолютно непримечательного с виду. Сюда не было подведено электричество, что вовсе не являлось проблемой для гостей – приобретенные свечи и найденная «летучая мышь», то есть керосинка спасли ситуацию.

Дом представлял собой крайне скромное помещение с двумя комнатами и плоским настилом и скорей был похож на домик охотника, если бы не каменные стены, которые в том случае чаще всего были представлены деревянными бревнами. Проблемы с едой не было, керосин спустя пару дней обменяли за какие-то безделушки у слепой старушки, которой он был и не нужен. Играли в карты в вечернее время, а днем – проводили активную деятельность по слежке за приставленными лицами. Что было довольно скучным делом, хотя им дали ознакомиться с делами, аккуратно сшитыми бережными руками будущей советской разведки, где весьма в грубом и понятном виде описывались злодеяния агитационного плана и эмпирические доказательства того, что эти самые усатые негодяи вели самую активную разрушительную деятельность против молодого советского строя. До основания советского государства оставалось четыре месяца...

Ежели честно говорить, то ребята были не очень впечатлены историями тех, за которыми нужно было следить, два скучнейших буржуя – первый недоделанный, рахитообразный, худой как смерть, писательнишка, которого можно было задушить платком, а второй – вспоминая и проводя аналогию с Чеховым – толстый вояка, генерал от кавалерии, прославившийся тем, что позже назовут «белым террором».

Между собой тройка, нет, не лошадей, предполагала, что «обоих» в нужно будет убить, но начальство посчитало более сладким образом постараться их прикончить за океаном, и перечить этому было глупо, ведь месть – сладкий плод, и чем лучше ее проявить и организовать, то тем слаще он будет. Пока что мало кто из беглых был убит на чужой земле, но скоро, очень скоро все проявится. Большевикам пока было не до этого. Всех радовала возможность посетить то, что они называли не иначе как «Стэйтами». Сами парни были примерно тридцатилетнего возраста, проявившими себя во время событий в Петрозаводске, позже на Каспии.

– Напоминаю, что завтра мы отчаливаем, никакого питья и глупостей, хотя вы не такие, но все же. Да, и еще, как вас там, «господин», эх, Богодухов, да, звучит смешно, не так ли, товарищ Нойтер? Напоминаю вам в официальном порядке, что общаться на «вы» отныне и с «пиететом» должны и выбросьте ваши глупые шутки, на корабле это не поймут. – сообщил в утренней беседе, за столом у заросшего малинника главный по операции, бывший «уполномоченный» Самарской «царской охранки», мужчина, лет сорока пяти, Бобров Семен Семенович, под «творческим псевдонимом» под данную операцию – Негласов Семен Петрович. – Мне такой ликбез проводить не надо, выучил все, все понятно – с хохотом заявил третий, после реплики и тишины от товарища Нойтера-Богодухова, кому было все адресовано. Третьего звали Романом Михайловичем Морозовым, ему даже псевдонима не дали, таким и остался.

– Ну и ладненько. – сказал в очередной раз свою любимую фразу Семен Семенович.

Именно так он говорил и февральские дни, когда поджигал здание Самарского полицейского отдела и несколько раз приговаривал. Сгорело все, но нужные архивы он, вместе с неравнодушными, унес с собой и помог большевиками, чем заслужил великий почет и должность. Но дальше он не героизировал, охотно сидя в штабах в тыловых городах, но вызвался на данную операцию, и без труда получил разрешение, решил «проветриться».

Крайне странным, схожим на хищный, взгляд, посмотрел на главного, Нойтер-Богодухов. Его оскорбило, что его перебили, да и не ладилось у него в отношении с Семён Семено-

вичем. Он был довольно странным товарищем. За это непродолжительное время у них не сложилось в общении и лишь Роман сдерживал нарастающую неприязнь между ними. Непонятен лишь повод. Товарищ Семен понимал, что если так пойдет дальше, то проще будет от него избавиться, но с другой стороны понимал – что это невозможно, да и не нужно.

Сближаться с объектами надзора коллективным решением принято было в процессе «кризиса», или даже уже там, в Америке. Все зависело от указаний центра, но пока они были весьма туманными, с ограниченной задачей, кажущейся простой.

Вечером был последний акт связи через телеграфиста, но дополнительных указаний дано не было, да и телеграфист в порту был весьма раздражен, что его отвлекает от передачи списков тех, кто покидал город, украденным за пару часов до этого.

*** В ту же пору, двадцать второго сентября, капитан складывал последние вещи, Ваня был при нем. Вместо долго разговора, он сказал ему следующее:

– Как ты понимаешь, я покидаю город, и это скорее всего, навсегда, но возможно, мне повезет еще вернуться на том же корабле, чтоб забрать оставшихся. Я хочу попрощаться с тобой, к сожалению, я не могу взять тебя на корабль, прости. Ничего не говори, мы сблизились, и ты стал мне за это время сыном, но увы. Я оставлю тебе «фантики», потрать их с умом, да и побыстрей, скоро они станут неактуальными. Квартиру отдаю соседям, ты можешь в ней прожить еще неделю, затем в нее вселяться их родственники. Так было оговорено еще давно.

У Вани проступили слезы. Он был крайне разочарован. Но он набрался сил, чтоб сказать лишь одну фразу:

– Я понял, понял, хорошо, но я уйду с тобой, туда, откуда пришел, в порт.

– Это твое право, прости, но через пару часов я ухожу. Капитан ходил по комнате и касался руками стен его квартиры, едва сдерживая слезы. Он был сонным – так как принимал снотворное, одолженное у соседки в первой квартире, это была настойка на травах, которая почти мгновенно вырубала его. Он попробовал его два раза – таким образом, успокаивая растущее желать сделать инъекцию. И пока это, с горем пополам, но помогало. Он уже во всю понимал, что попал в ловушку морфия, но если бы, если бы, еще у него было время здесь, на земле, он бы направился к врачу. Но нет, времени не оставалось. Ломка проявлялась, он не употреблял наркотик на протяжении почти двух суток. Поверьте, это сложно. Выглядел бледно, но держался, как мог. Лишь бы выдержать до отправления и первой смены – подумал он. Но это казалось фантастическим исходом.

Сердце болело, болезненные ощущения были и со стороны печени, а послезавтра, да даже скорей, почти что завтра, ему надо было быть одним из двух руководителей судна, с ответственностью за жизни нескольких сотен.

Посидели на дорогу, и разошлись, в надежде друг друга не увидеть, в якобы разные стороны. Ночью в Пароход загружали уголь. К утру рабочие осознают – что их труд был напрасен. Темная ночь скрыла тот факт, что вместо необходимого каменного угля, были загружены тонны бурого, причем неважного качества и марки. С таким судно далеко не уйдет, очевидно, посчитав грубым образом теплоёмкость этого топлива. Тридцать пять тонн, которые они успели загрузить – благо, не спешили, были выгружены, и заменены на верный вид топлива. Оказалось, что бурый уголь должен был уйти в Японию, на японском судне, стоявшем рядом, который проходил здесь транзитом, только ради того, чтоб забрать залежавшийся бурый уголь. Добро не сильно большое, но и терять возможность забрать – устойчиво не желали.

В капитанской рубке происходило крупное совещание и генеральное обсуждение маршрута хода. Маршрут еще раз скорректировали, но незначительно, на сугубо внутреннем уровне. Уточнили списки пассажиров, запасы необходимых ресурсов, в том числе питьевой воды и продовольствия.

Днем, двадцать третьего сентября, «отдали» телеграммы в порт Ванкувера, Петропавловского порта и Лос-Анджелеса, что следующего дня судно выйдет в нужном направлении и через энное количество дней по расчетам они зайдут в вышеуказанные города. Пароход был сделан из естественно железа и имел две мачты для парусов и одну большую-пребольшую дымовую трубу. Корпус, разделённый на три палубы, имел размеры больше двух сотен футов длины и тридцати, возможно сорока футов ширины. На «Гельвеции», а именно так она называлась, имелось три трюма, оборудованных паровыми грузовыми лебедками. Общая грузоподъёмность парохода составляла до восьми сотен тонн полезного груза, помимо запаса угля в бункерах, которые расширили в полтора раза, за счет перестроек, которые осуществлялись за пару месяцев до этого в каком-то японском городе. В среднем трюме располагался балластный танк.

Таким образом, характеристики парохода очень сильно напоминали

известнейший в былые времена «Владивосток» – товаропассажи́рский пароход Добровольного флота, однотипного с пароходом «Камчатка», построенным на той же верфи, закупленным у Англии в далеком 1880 году за громадные по тем временам деньги. Он был знаком многим старожилам, и чем-то напомнил о тех добрых временах, весной 1891 года пароход «Владивосток» сопровождал крейсер «Память Азова» с цесаревичем и будущим императором, к горести последним, Николаем Александровичем во время его пребывания на Дальнем Востоке и визита в Японию и Китай. Но «Владивостока» не было с нами, так как 5 октября 1893 года корпус переломился и двумя частями ушёл под воду, потрепанный морской стихией чуть ранее, а вскоре части корпуса были проданы японцам за смешные тысячи рублей.

Стальной монстр «Гельвеции» приводил в движение двигатель схожего типа «Компаунд» мощностью в восьмисот лошадиных сил. Вероятно, это был младший брат «Камчатки» и «Владивостока», построенный несколько позже, примерно на десять лет, с определенной модернизацией внутри, но сохранивший очень и очень схожий вид, как у старших братьев. Настоящее название судна было старательно стерто со всех мест, само оно было в неплохом состоянии, хотя и нуждалось в определенном ремонте косметического характера. «Гельвеция» – имя, данное, видимо, швейцарцам, прежними владельцам судна, иначе бы трудно объяснить название корабля в честь персонифицированный символ Швейцарии – страны, не имеющей выхода к морю. Еще более странным было то, что название написано кириллицей, а не как должно быть – «Helvetica». Но никто на это и не обращал внимание, не имея время на догадки, а имея конкретную цель подготовки к выходу «Гельвеции» в назначенный срок. Из тех рабочих порта, мало кто вообще знал, где та Швейцария находилась. Другое дело – «Владивосток». И слуху приятно и сердце близко.

Во втором половине дня, с корабля спустили флаг Японской империи, зачем-то повесили Андреевский, вскоре догнав, что сделали что-то не так, вернули Японский на место, повесив на первой, залежавшийся в каком-то учреждении старый добрый флаг гербовых цветов по толкованию времен Александра II :

«Чёрный цвет был взят с герба России, на котором был изображён чёрный двуглавый орёл. Жёлтый цвет по одной версии был также взят с герба России, таковым было поле, в котором изображался двуглавый орёл, по другой версии – золотым был двуглавый орёл на штандарте Византии. Так или иначе, но золотой цвет и двуглавого орла изображали на знамёнах ещё при князе Иване III Васильевиче. Белый цвет был известен как цвет Георгия Победоносца, поражающего копьём дракона. Белый цвет символизировал вечность и чистоту у всех народов мира на всех флагах.»

Данное решение вызвало удивление у многих, кто заметили этот, уже как двадцать лет неиспользуемый флаг, но возразить никто не стал. А на третьей палубе повесили привычный современникам «Русский флаг» образца 1883г., ставший официальным в последние года суще-

ствования Российской империи. И тот, и этот был уже анахронизмом. Не было империи, равно как символов, представляющих ее, как и герба и гимна. Исполнять «Боже, Царя храни» кощунственно, а остальное – непотребно. Провожать торжественно в этот раз не стали.

Наш капитан в ночь перед отплытием, сославшись на проявления лихорадки, прилег в каюте, где надеялся вновь испробовать снотворное, но в этот раз оно дало осечку, он пребывал в муках абстинентного синдрома, укутанный в плед, скорченный от боли, но пытался, на подсознательном уровне противиться. Продержался в таком состоянии до двух часов ночи – и на четвертые сутки воздержания, дотянулся до целительной баночки, размешал дрожащими и горячими, подверженный сильным жаром, будто действительно – заболевший сильно простудой, подготовил тот самый стеклянный шприц, ставший его другом, и укололся, получив облегчение, с отсрочкой примерно на сутки.

Все грузы были погружены, с облегчением вздохнули работники, направившие в свои дома, получив зарплату за свой тяжелый труд. Завтра они обрадуют своих детей и жен нехитрыми подарками. Отплытие назначили на десять часов утра – за три часа до этого началась загрузка пассажирского парохода, стоящего у дебаркадера, пассажирами. На берегу – множество людей, ожидающих очереди на погрузку. Если быть точнее – почти с четыре сотни.

Момент посадки пассажиров всегда волнителен и интересен, особенно со стороны, третьему лицу, не участвующему в непосредственном «празднестве». Несмотря на спешку пассажиров, со стороны некуда спешить и можно наблюдать за такими искренними слезами, за такими искренними переживаниями семей, за тем, как они выглядят.

Смирненно стоящие господа ожидали своей участи – они покидали город. Все шло штатным образом, спокойно, без лишней суеты, все же люду было меньше и проще управлять, нежели в прошлый раз.

Среди организованного строя были и знакомые нам «неофиты» – тройка скрывающихся блюстителей, вернее надзирателей, нравственности и «новой морали». Потешный вид, с ошибками с точки зрения манерного поведения, особенно у «младшего состава» честной компании. Как-то угловато стояли, не так, как рядом находящиеся жеманные, слащавые и напыщенные собственным надутым статусом представители мужской половины человечества. Находились совершенно рядом и представители той самой встречи в домике профессора.

И вновь, между конфликтующими в тот августовский вечер, спустя месяц, здесь, на причале, вспыхнуло пламя раздора на фоне какой-то банальной шалости, выраженной в легкой шутке, адресованной Яну Собескому в ответ за показавшуюся седовласому молодому господину реплику месячной давности. На что, прекрасно понимающий господин ответил, упреждая тем самым возможную реплику своего оппонента, который постоянно упрекал его некоторыми подробностями из жизни, о которых тот, к сожалению Яна, знал, такой фразой: Не судите чужого прошлого – вы не знаете своего будущего. Чем отрезал на корню последующие разговоры, в точности как прошлый раз. На эту небольшую эмоциональную стычку обратил внимание Семен Семеныч, именно Собеский и являлся одной из двух, как вы помните, фигур, ради чего и была затеяна эта доморощенная в представлении красных «охота на ведьм».

Вздохнули с облегчением, когда пароход сделал прощальный гудок и стал медленно, со скоростью равной три узла, отходить от причала, тем самым прощаясь с городом, чуждым для него, но не для тех крошечных, в сравнении с ним, обитателей.

Россию покидали умнейшие и глупые, сильные и слабые, честные и нечестивые, принципиальные в своих суждениях и беспринципные, молодые и старые, добрые и не совсем, но все они были людьми. А что насчет домашних питомцев? Таких по специальной форме было записано три четыре живности, среди них девятнадцать собак и десять кошек, три попугая и один ручной ёж! Такой милый и желаемый многими, кто имел честь заметить его. Уезжавших с зверьми было видно издали – со слободки; конечно иронизирую, но в этом была

доля правды, так как в основном их обнаруживали корзинки, прикрытые платками или в случае с птицами – клетки.

Вот и все, всяко растягиваемый в хроносе, не путать с мифологическим божеством, миг, наступил. И сказать больше нечего. Так как так обыденно описывать первые минуты и часы путешествия может лишь бездарь, для которого это имеет какой-то смысл, либо же человек, впервые осознавший ту палитру чувств, складывающихся в мироощущение, я же полагаю, что вы не достойны такой траты своего драгоценного времени на эту величайшую глупость. Так пусто на душе, и не о чем думать.

Все уже там, в точке, где прошлое с настоящим уже не пересекаются. Заняты места первого класса – и совершенно немного. Второй класс и третий класс примерно одинаковы по комфорту, в итоге триста пятьдесят два человека пассажиров и названное ранее число экипажем. Но нет, не так это на самом деле.

ЗАПАДНЯ

А что Ванька? Проводил ли он своим взглядом Евгения Николаевича? Нет. Он испарился, будто и не было того августовского случая на причале, не было и похода в булочную, ничего не было. Но нет, не так все просто. Действие опиатов и загруженность работой не дали и минуты времени для капитана, чтоб подумать о судьбе своего временного подопечного. Но Ванька не смирился, и после прохладного прощания, он направился напрямик в порт, к той стайке ребятишек, с которыми он имел контакт общения, где поделился историей о том, где и с каким успехом пропал все это время.

Затем отозвал своего ближайшего приятеля, сверстника со схожей судьбой – Сашу, такого же бродяжного озорника, где более подробным образом рассказал о том, как он жил в квартире одного из главных людей на судне, которое отправляется послезавтра в далекие края. Почему-то слово «Америка» все не могло запомниться юнцу. В ходе разговора, как и желал Ваня, завязалось – причем с двух сторон одновременно, вот что значит друзья, понимающие друг друга с полуслова, бегства на это судно, с желанием изменить свою судьбу. Уже темнело. Но как же забраться на корабль, да хотя это полбеды, да и еще остаться незамеченным? Но как говорил еще Сократ: кто хочет делать – ищет способ, кто не хочет – ищет причину.

Только совершенно молодой, желторотый, не имеющий здравого смысла мог отважиться на такую авантюру. Но и их можно понять. Корабли заходили в город постоянно – и уйти с ними за горизонт не представляло большого труда, но до этого они еще терпели, стиснув зубы, выдержано, настойчиво, упорно, стоически держались за тонкий стебелек исхудалой жизни в бренном общежитии.

Формирующим фактором для решения на такой шаг стала именно дружба Вани с Евгением, неготовность, уклончивое нежелание прощаться с тем, что за короткий срок стало его жизнью – не такой, какую он видел все эти два года. Вот в чем проблема психологии временных, со стороны взрослых – легких и не обязывающих ни к чему, а со стороны детей, да даже и домашних животных, весьма тяжелым, иногда и не подающим виду – переживаниям.

Как и все подобные выходы – они никогда не планируются и случаются спонтанным образом. Будь человек взрослее, он подумал, перед чем идти на такой шаг.

Парочка шалунишек, говорю так, ибо иначе и трудно сформулировать одним словом пару из Вани и Саши, конечно не таких и беззубых, как большинство «домашних» ребят, с грехом мазурничества, да и чего-нибудь еще, ведь, как известно, безгрешными не рождаются, все же отважились на авантюру. Чем-то перекусили и по-тихому решили уйти. В направлении нужной пристани. Идти было совершенно не далеко – Ванька лишь боялся встретиться глазами с капитаном. Но это к счастью не произошло. Шла активная работа, готовился к погрузке те самые злополучные тонны бурого угля.

Помимо сего – по деревянным настилам катили бочки, тащили деревянные ящики, иногда с применением лебедок. В таком положении невозможно было попасть на судно, их бы заметили и очевидно спросили бы, что те делают, и, в итоге за пушечный выстрел от корабля отправили, пинком под зад. Но, как и все, кто, когда-то наблюдал за работой в порту с погрузкой грузов на корабль знал, чтоб без перерыва никак. Да и было темно, а освещение не справлялось. – Думаю, что через часа два-три они прекратят на время работу. – сказал белобрысый Сашка.

– Как бы лучшим образом зашкериться – промолвил Ваня.

– Тогда и постараемся. А что дальше то? Я на судах не был никогда. – Я был с капитаном на этом корабле. Ничего такого. Надо будет найти скромный уголок, возможно в машинном отделении – там, где двигатель. Там, скорей всего, жарко, да и работников много – так думаю. Надо осмотреться уже внутри. Каюту, конечно, мы не зайдем.

Капитан говорил, что все заняты будут.

– Ну хорошо, не знаю как ты, я подремлю немного, а то спать охота очень. – сказал Ваня.

На диком, нависающим над крайним третьим причалом, холме, в ожидании счастливого момента, лёжа, на холодной земле всю ночь пролежали два «кашкета» в положении кобры, перед решающим моментом. До крайнего настила у кормы с этого места было секунд двадцать быстрой перебежки. И был прав Иван, что отдыху быть. А для кого отдых, тому и работа. Не зная времена, но примерно в четвертом часу утра, затемно, вся активность работников постепенно угасла, а потом и выключился световой прожектор, с небольшого административного здания. Перерыв должен быть относительно длительным – с час. Засим, ко времени раннего завтра – после шестнадцати часов работы, эта смена должна был замениться другим составом. Пребывая в сонливом состоянии, мальчики представляли свое будущее, предвкушая то, чего сами не знали.

*«Воображение – это начало создания. Вы воображаете то, что хотите;
вы желаете то, что воображаете; и, наконец, вы создаете то, что желаете»
Бернард Шоу*

Чуть было не заснув полностью, тихой поступью, украдкой, как можно тише, босоногие и одичалые дети приблизились к своей внезапной мечте, проявленной в их сознании. Ветреная была ночь, полная луна боролась с бесконечно сменяющимися перистыми облаками, освещённые постоянно исчезающим лунным светом. Деревянный мостик – как вход в портал новой судьбы.

Не знаю как взрослые так легко и непринужденно таскали туда-сюда тяжелые ноши, но даже детям было трудно не потерять равновесие на узкой, и очень провисающему перекрытию. Трудно, действительно боязно, вниз лучше не смотреть – нет, там не бездонная пропасть. Но падать всегда неприятно, особенно на «каменную» подушку. Мелким шагом, жонглируя ручками, тренировали свое искусство оставаться в равном положении тела и духа по судовой сходни. Но все благополучно, подобие «трапа» выдержало.

Рука крепко зацепилась за палубу, а дальше они стали изучать судно, находясь уже в более привилегированном положении, без норова, свалиться или быть замеченным с суши. Обойдя надстройку – заметили открытую дверь. Позднее и большинство замеченных внешних дверей – были открытыми. Как оказалось, уже чуть позже, не просто так.

Увидеть что-то в обделенном даже лунным светом помещениях оказалось трудным делом. Здесь в помощь включалось шестое чувство, и конечно же осязание – искусство понимать прикосновения. Корабль издавал свои звуки, а шум ночного прибора в стальные листы лишь усиливал таинственную напряженность. И действительно – весь этот шумящий ансамбль загмевал грохот от неаккуратных передвижений. А гвалт от ветра, раздражающего тросы и мачтовые составляющие, закрепленные, не самым достойным образом, лишь подчеркивал всю эту полифоническую картину.

Лестница железная. Спустились. Коридор между каютами, кажется, а может и лазарет. Не видно ничего, длинный путь, шагают, а вот зачем и куда – не мыслят. Вдруг слышен голос грубой мужской. Не разобрать ничего. Голос приближается, слышно шаги. Сторож заметил. Прятаться, да вот куда, все закрыто, впереди тьма, ничего не видно. Надо бежать. Добежали до конца, спустились в еще более нижний ярус – ребят засекли. Хоть бы что-то было, за что спрятаться, но нет.

Мрачный и чудовищный звук приближающегося титана сковал сердца притаившихся, за каким-то шкафом, стоящим в углу, по форме напоминающем в страшные секунды деревянный макинтош. На деле же это был обычный, крупный пожарный ящик, содержимое которого не отличалось от хранилища у пожарной каланчи – лопата, песок и ведра. Резкий шел-

чок рубильника и появился свет. Уже не спеша, заметив нарушивших его покой нарушителей, спускался по лестнице, огромный бугай, гора мышц и подкожного жира.

Его лицо испускало странные чувства – идиотическая улыбка, неправильной формы брови и с небольшой, мало кому заметной, но при пристальном изучении должным образом, подмеченным асимметрии лица.

Пару дней назад Ваня видел его – засмеявшись с его неумения разговаривать должным образом – структурированная речь была редким явлением в его жизни. Он был юродивым по мышлению, сыном давно умерших родителей, работающих ранее здесь. Его недюжинная сила и условная покорность в большинстве случаев устраивала здешних работодателей, платили ему мало, в основном вопрос содержания заключался в четырехкратном, не обязательно сытном обеде, который готовили ему и местным сторожевым собакам, чаще всего какие-то щи, каши и то, чем можно было забить огромный желудок, просящий постоянным образом о еде. Он редко болел и был прекрасным кандидатом для тяжелой работы. Многие считали его бесконечно добрым дураком, и да – этому были основания, он часто угощал конфетами беспризорников, работников, и проявлял достаточно дружелюбное поведение, в большинстве жизненных ситуаций.

Но, как и полагалось даже такому, как он, человеческая натура не однозначна, и противоречива. Всякий раз, когда была большая луна – он менялся, становясь более замкнутым, озлобленным, весной и осенью он также проявлял не самые милые эмоции, играя роль злого шута, издеваясь периодически над тем, кого не знал и знал слабым образом. Очень жаль, что его судьба лишила его, при его прекрасных антропометрических показателях главного – рассудка, сопоставимого с среднестатистическим жителем его времени.

Он мог быть тяжелым атлетом, культуристом, ибо все было при нем. А с каких мастерством он крутил в одной руке тремя крупнейшими пальцами полупудовые бочки с вином.

Ему, правда, не говорили о содержимом бочонков, так как он имел грех к алкоголю, после чего, как и любой другой человек, правда в более малых дозировках, приводящего у «нормальных» для его веса, к легкому и среднему опьянению, буянил так, будто выпил три литра красного зелья. Выглядел он как скала, весом в пару центнеров и высокого роста. Такого высокого, что так редко заходил в каюты малых кораблей, чтоб не проломить затылком потолки. Сила есть – ума не надо.

Стена самым злым образом окинула взглядом непрошенных гостей и что-то сказав, странно, чудаковато, посмеялся, и начал приближаться к шкафчику, где в самом углу сидели «диверсанты». Саша понял, что этот человек неадекватен, и тихо об этом сообщил Ване. В свою очередь подопечный капитана судорожно искал в карманах штанишек перочинный ножик, он чувствовал его, но не мог найти, какая-то проблема была в заднем кармашке, нервно покусывая нижнюю губу, которую едва нашел, ибо она была такой тоненькой. Голем вплотную подошел к слугам Гулливера. Да, именно слугам, так как иначе описать физическую разницу между ними – было бы не точно, а так, даже упуская художественный смысл, наиболее верным образом.

Ножик был вытасчен сразу – в надежде прекратить напор юродивого. Но это лишь стало спусковым крючком – триггером. Заметив блестящее перо, направленное в его адрес, он, быстро прокрутив в голове ситуацию и принял окончательное решение – атаковать. К тому же он вспомнил насмехающегося над ним несколько дней раньше – это его вольная, тонкая и очень болезненная натура, сродная его психологическому типу, моментально высвободило бурю негативных эмоций, перерастающих в агрессию. Работая сторожем, он досыпал последние часы своей негласной смены, сидя в рубке капитана, устав после бессметного числа кругов по палубе. Он был раздражен сильным ветром, случайно глянул вперед, где заметил робких нарушителей его территории.

У таких людей активно включается компонент «своего», словно у животных, живущих не коллективами, а одиночно – как иногда волки, чаще тигры, не мыслящие тем, что их пространство будет заполнено чужими. Для этого «тигра» двое мальчишек оказались загнанными гиенами, и он готовился к наказанию для них. Слабое помахивание ножиком, попытки толкнуть и сбежать от истукана не получились. Он взял с жуткой силой двумя руками за шиворот и Сашу и Ваню, словно слепых котят, и попеременно борясь с буйными жертвами в его руках. Саша попытался ускользнуть от его «попечительства» Порвалось то, что было в качестве верхней одежды, но убежать ему не удалось, он, швырнул Ваню об пол, прямо лицом, обеими руками достал до шеи Александра, пытаясь придушить, оттащил к себе, затем, будто и не было ничего, почему-то отчаявшись также молниеносно, сменил поведения, стал тащить обоих, но уже отпустив – подбадривая ногами под зад, словно обуздывая лошадей, но те не сдавались, все время стараясь оторваться и сбежать.

Глаза его налились кровью, словно говоря – «зря, очень зря». Ваня достал нож. Ведь, как поговаривали здесь, его отчим, будучи пьяным, при нем – еще совсем мальчишке, зарезал его мать кухонным ножом, что оставило глубокую борозду в памяти этого человека. Но кто знал, кто знал, что такой серьезный дядька мог изменить свои истинные помыслы, которые не были таким страшными на самом деле, в дикую ярость, с напряжением, усугубляемым дурным влиянием текущей фазы луны.

Он долго искал подходящее место, где намеревался упрятать мальчишек. На протяжении всего времени предпринимались даже попытки укунить за руку, но этот огненный Прометей даже не обращал внимание на такого рода деятельность в его отношении. Ничего не могло остановить его настойчивое желание. Нет, гальюны – отхожие места, не подходят. В ахтерпик – не попасть.

В разочаровании, куда же деть жертв своей ярости? Он плохо разбирается в судне – имея лишь базовые представления, уровня опытного пассажира. Надоели ему ребята – и он со спокойствием мясника отрубил обоих ударом по голове. Кажется, что не убил, так как мог. Дыхание наблюдалось, ребята находились в бессознательном положении. Истукан тянул их прямо по полу и ступенькам.

Лица и тела были в множестве ссадин, у Вани – после удара лицом об половую поверхность, началось небольшое носовое кровотечение. Гигант бродил возле камелька – поднявшись на время в машинный блок, блуждая вокруг машинной шахты и множества кладовых, но все они были основательно закрыты. Все не то, все не то – подумал сторож, которого мило, словного маленькое дитя, звали все без разбору, Стёпой.

И вновь спустился на уровень ниже – и продолжая тащить тела, спустя минут десять, нашел крайнее кормовое хранилище, расположенном рядом с малым грузовым отделением – корабль был модифицирован и некоторые его составляющие отличались от первоначальных.

Он обнаружил вход в помещение – оно было крайне малым, без доступа к солнечному свету, окруженное какими-то небольшими кладовыми со всех сторон. Мощнейшая деревянная дверь, оббитая толстым слоем стали с внешней стороны, а с внутренней – какимто поглощающим материалом черного цвета, стопками книг, заваленных до дверей в высоту в несколько в пару футов-саженей. Свертки карт и множество – больше десяти, запиленных компасов, разбросанных крайне небрежным образом, возможно, от морской качки. Здесь было очень и очень много пыли. Любая макулатура – прекрасное сборище пыли, даже в таком замкнутом помещении. Освещение здесь было – управлялось с соседнего распределительного узла и представляло собой одиночно висящую лампочку накаливания, у которой очень и очень оборвется жизнь – нить накаливания. Забросив, будто мертвый груз, мальчишек – он закрыл дверь, взял в руки висящий без дела, на стальном колечке, удивительно ржавый, так как на судах всегда следят за состоянием замочных компонентов, винтовой ключ, и закрыл дверь, с облегчением вздохнул, и как ни в чем не бывало, с большой улыбкой, что-то распевая, вероятно Марсельезу соб-

ственного «производства», стал постепенно убирать немногочисленные следы, при помощи найденной части бесхозного сукна, убирая следы грязи от обуви мальчишек.

Сам же Стёпа был педантом и чистюлей, в рамках своего образа жизни, привычка, данная в детстве, намертво отложилась в его мышлении, и он по несколько десятков, а осенью и зимой – и сотен раз в день, смотрел за своей чистотой, возможно, таким образом, для того, чтоб привлекать барышней. Ничего не подозревающие мальчишки, лежали без сознания в закрытом далеком, темном и отчасти даже сыроватом помещении, еще не понимая сложности ситуации, в которую они поймали. Сильный удар вырубил их надолго. Стёпа убрал все, что видел и вышел на палубу – начинало светать. Он был рад тому, что скоро наступит долгожданный отдых, и смиренно ожидал смены «караула». До отплытия «Гельвеции» оставались сутки. Сколько кораблей он уже встречал и провожал, а сколько было еще впереди – с застывший детской гримасой он продолжил мирно спать. Ведь больше и делать нечего было, за исключением разве что приёма пищи – но сон был выше этого желания.

Ровно через сутки – заступив на вахту, с наблюдательной вышки, одиноко стоящей за злополучным холмом, он, уже и забыв, что делал, мирно и весьма спокойно, провожал взглядом «Гельвецию». Никому ничего не сказав. Непонятно, что творилось в его голове, почему он решил закрыть мальчишек, может здесь был фактор того, что он вроде бы как понял, зачем они туда пришли, но с другой стороны – нож, сопротивление, вместо помощи, он тоже не был лишен романтизма бегства – ну не совсем же он был идиотом, раз ему поручали охрану судов и были им довольны. То есть определенные способности мыслительного характера в нем были заложены...

Истерика уже овладела ребят – внезапно осознавших, что они попали в западню. Сколько не били они по дверям, сколь не кричали и звали на помощь – все тщетно. Десять часов мольбы о помощи не увенчались даже частичным успехом, дверь казалась гранитным монолитом, ее невозможно было открыть с внутренней стороны. Но почему никто не слышал? Да все потому, что по року судьбы – они оказались в одном практически непроницаемом для звука помещении, усугубляемым тем, что здесь мало кто вообще мог находиться. То было хранилище малоиспользуемых вещей – таких как чердак вашей усадьбы в пригороде. Вы часто бываете на чердаке в поиске нужной газеты или журнала? Ну вот – точно также и в этом случае.

Здесь не было запасов еды, ни вентиляции, ни воды. Если их не найдут в течении ближайшего времени – они обречены на мучительную смерть. Вот что устроил этот юродивый мерзавец. Уж лучше он их кинул где-нибудь в машинном отделении – там их нашли бы сразу, заступившие на вахту члены команды парохода.

И где-то здесь, отойдя после морфийного блаженства, ходил по узким коридорам, Евгений Николаевич, вместе с капитаном корабля, раздавая последние указания, и в последний раз осматривая корабль на наличие возможных проблем. Загрузка в судно закончилась – и даже в те далекие от взгляда моряков, и тем более недоступные для пассажиров места, где были в буквальном смысле замурованы два мальчика, никто и не приближался. А хотелось бы, очень хотелось.

У Вани была проблема с носом – кровотечение то прекращалось, то возобновлялось, задравший к потолку нос не помогал, лишь способствовал к заглыванию противной на вкус крови в ротовую полость. Этот беспризорник и не подозревал, что имел проблемы со сворачиваемостью крови, вызванной не врожденным заболеванием, а плохим питанием, совершенно лишенным целого ряда микро- и макро- элементов, если говорить с научной точки зрения.

К полудни двадцать четвертого сентября на корабле почти все «устаканилось». Пассажиры разобрались с каютами, небольшая экскурсия в исполнении капитана завершилась

успешным образом. Однако, члены экипажа утаили ставшую очень неприятной для многих, как оказалось, подробность того, что коки – т.е повара и централизованное питание, не будет обеспечены для путников, по отсутствию персонала. Все было крайне прозаично – повара испарились с первым пароходом. Ну, видимо, «первому классу», ушедшему тогда, было нужнее. А остальным – на самообеспечении. Об этом узнала и команда корабля в чуть ли не последний момент. Но расстраивать полностью пассажиров они не смогли – продовольствия было много, а сравнительно большой камбуз должен был стать общим.

К обеденному времени Евгений Николаевич, заручившись поддержкой капитана корабля и боцмана, находясь в кают-компании, думая о том, как решить насущную проблему, о которой вовсе ранее никогда и не задумывались, приняли решение провести совещание, собрав взрослых на палубе и объяснив все в подробностях. «Гельвеция» набрала скорость и двигалась с допустимой максимальной скоростью равно девяти узлам в час – более привычном для нас современных понимании в почти семнадцать километров. Для довольно большого парохода это хороший темп. Корабль попрощался с бухтой Золотой Рог, окинув своим взглядом исчезающий из виду город.

Одна из самых красивых достопримечательностей Владивостока – это его окрестности, представлены в виде архипелага императрицы Евгении – гряды островов в заливе Петра Великого Японского моря.

Архипелаг состоит из пяти крупных островов и пары десятков более мелких островков, таких как острова и скалы (кекуров). Самым крупным является остров Русский и занимает две трети всей площади архипелага.

«Красота – абсолютна. Человеческая жизнь, вся жизнь покоряется красоте. Красота уже существовала во Вселенной до человека. Красота останется во Вселенной, когда человек погибнет, но не наоборот. Красота не зависит от ничтожного человека, барахтающегося в грязи.» Джон Гриффит Чейни

Острова впервые были обнаружены французскими и английскими моряками в начале 1850-х годов, в те же годы были названы островами Императрицы Евгении – по имени французской императрицы Евгении. Впервые нанесены на карту французами в 1855 году. В 1858 году архипелаг впервые был осмотрен русскими моряками парохода-корвета, упоминаемого ранее мной, а именно «Америки» – под командованием Е. В. Путятина. А годом спустя была издана первая русская карта залива Петра Великого с частично нанесёнными на ней островами, а позднее и полностью.

Мало кто из пассажиров не устоял перед соблазном не оказаться на палубе и не проводить своим взглядом Русский остров, покрытый сплошь лесом, а чуть позднее пройти через Босфор Восточный и прочувствовать всем телом и душой Уссурийский залив. Какие же места здешние очаровательные, аж дух захватывает.

Берега – окутанные тысячелетними ракушками, небо голубоголубое, а вода такая чистая. Берега достаточно крутые – скалы суровые, в этот солнечный день кажущимися с палуб цвета медовика, то светлее, то темнее. Через рупорный громкоговоритель – трофей, доставшийся нелегким образом на аукционе в Желтом Море, сообщили о том, что будет организовано собрание и все приглашаются на палубу.

Пассажиров также уведомили в том, что необходимо не забыть закрыть свои каюты – во избежание возможных неприятностей.

Собирались господа неспешно, медленно, натужно, поднимались их жены. Кое-кто и прихватив детей, а один идиот держал на руках собачонку – так она была ему близка и неотделима,

словно он с ней сиаемские близнецы. Бархатный ветер последних теплых дней года создавал хороший фон для общения. Встав в полукруг все стали ожидать капитана.

Он, слегка опоздав, так как передавал управление Евгению Николаевичу с навигационными картами по этой местности. Существовала некоторая проблема – но и она была решена оперативно. Он еще раз поприветствовал пассажиров, пожелав различных благ и стал излагать явку сего действия.

Стоящий боцман за спиной капитана и несколько свободных от работы матросов, внимательно наблюдали за реакцией. И да – наблюдать не имело никакого смысла для человека, прекрасно знающего человека как существо, ибо после слов о том, что питания как такового нет, а единственный кок никогда в жизни не справится с таким количеством едоков, было выплеснуто большое количество гнева, особенно от женщин – белоручек по смыслу жизни, привыкших к безмятежной жизни, лишенной хлопот о таких плебейских видах деятельности, как кухни, и некоторых господ, представляющих себе вечно наполненные фужеры и бокалы, с лучшими закусками и пряностями. Капитан их сильно разочаровал, лишь часть – примерно треть, может немного больше, спокойно восприняла эту информацию.

– Черт возьми! Что это такое вообще, стоял в очереди, под солнцем, без головного убора, переживал, и что в итоге? Что я есть буду? Что это будет то, господа хорошие, мы все умрем от жажды и голода? Пить морскую воду мы не сможем, и не пожелаем.

– Чертова посуда. – высказал свое мнение, с излишним эмоциональным окрасом какой-то пассажир, стоящий в бархатном пальто черного цвета.

– Ну и что есть будем? Готовьте сети. И почему нам раньше не сказали? Почему только сейчас. Высаживайте тогда – пропищала какая-то женщина, истерически размахивая руками, чтоб вызвать внимание к себе.

После двух реплик, словно цунами, пронеслись десятки других, если не сотни, разных тембров и тонов, и в этом пчелином гуле можно услышать примерно такое:

– Чего молчите, отвечайте, отвечайте, капитан, как вас там зовут, вы ведь даже не представились, или я что-то упустил.

– А сами-то себе готовить будут, телеграфировать бы земскому правительству, сразу бы навели порядок...

– Да успокойтесь вы уже, тишину позвольте.

– Зажрались, зажрались, шеи друг другу съешьте, выкусите уже...

– Да подождите вы кричать, лучше послушаем, что они предложат нам.

Вот она – натура человека, истерически ищущего все свое время только то, что является базисом для основных потребностей, как и все животные, лишь скрытое благородством красок, парфюма, одеяний. Вот оно – реальное искусство вести себя как можно ярче, как можно мощней, непотребно, чтоб спасти себя от неблагоприятных факторов. И чем они отличаются от таких же двуногих, орущих странные лозунги, чтоб получить желанный хлеб? Что побудило их к истерике? Беспробудная лень.

– А теперь минуту тишину ради вашего и нашего мира. – выдержанно подытожил капитан – человек непростой, северный, для которого подобного рода «путешествия» казались смешными.

Белая бородка в несколько аршинов, почти седой, он, под действием несмолкающего бреда, направленного в его сторону, вспоминал, как ходил на хрупкой шаландре по северным морям и делился с пассажирами остатками сухарей того злополучного пятого года. Тяжелые воспоминания нахлынули его – но Константин Львович, а именно так он представлялся в мире официальных бумажных изделий, быстро переборол, продолжил свою исповедь перед присутствующими. Он очень не любил, когда его так называли. Лучшим бальзамом было слово «капитан», а для близких «отец». О его жизни было известно еще меньше, чем о Евгении Николаевиче, скрытом от взора пассажиров в капитанской рубке. Плоховато ему было, плоховато.

Держался трудно, хотя лицо все еще не подавало – с виду, признаков страшной болезни, мании, сковавшим его рассудок и тело.

И да, действительно, ему повезло, что к нему было обращено мало внимания. Команда была малообщительной – он это понял с суши, близких знакомых тут не было, обычная рабочая обстановка среди людей, не испытывающих друг к другу ничего, кроме редких случаев нужды в коллаборации ради выполнения профессиональных задач.

Постепенно толпа стала успокаиваться. Никто не старался выпрыгнуть из стального источника, еще пять минут назад, апокалипсиса. «Гиппокамп общества медленно уменьшал свою лимбическую активность.» Так, про себя сказал тот странный знакомец, известный нам по данному мной второму имени, а именно «Башмачкин». Он одиночно стоял на близком расстоянии от капитана – но стал смотреть не на него, а на пассажиров. Тщательно нотируя карандашом в своем любимом блокноте. Хотя нет, этот был меньшего размера, чем прежний. «Чем бы дитя не тешилось» – подумал про него, его же научный руководитель, бывший заведующий кафедры психологии, веселый на вид дядька, в довольном простом, незамысловатом, френче, который активно контрастировал на фоне переднего ряда подковного строя.

Вы не поверите, но каково было удивление заметить на некоторых женщинах, в разгар сентябрьского дня, полушубки и даже шубы. Так они решили, используя возможность, покрасоваться своим статусом, или же побаиваясь за самое ценное, чтоб вдруг какой-нибудь матросишка или морская крыса, не сделали ничего плохого, с норичей, медвежьей или же какой-то иной паницей, тулупом, дубленкой. Мужскому взгляду трудно было понять, что есть что. Если вы конечно не торговец шубами или же не славный охотник.

Скучных людей было здесь мало – серая масса затерялась где-то. Все, какие-то действительно русские люди, правда разных формаций, от придурковатых интеллигентов, пасущихся возле метров науки и докторов – выходцев с того раута, в том числе.

Был там и тот степенный господин – профессор биологических наук, единственный, кто держал в руках бинокль, имея монокуляр на нужном месте одновременно. И вкрадчиво всматривался в эту череду стеклышек, с любопытством юноши, в поисках какого-то редкого кустарника в чащобах дивного берега Приморья.

Его отстраненность, как и некоторых других, чаще всего, рядом стоящих, раздражала толстотельные существа представителей богатой, но лишенной интеллекта, знати. Надоевшие выкриками – будто продавали на палубе любимых осетров или на худой конец, вялую камбалу, с активными призывами – все большой и большей громкости.

Можно поразиться, насколько грубыми голосами все это издавалась из, казалось бы, женских одеяний, такие глотки как у них, по своему звуковому диапазону звучали зловещей диких медведей, особенно после того, как им лучшим, очаровательным, восхитительным и гениальным, сказали, что еды не будет и лакеев тоже. Был бы под рукой батог – мерзавец в лице старика-капитана в миг бы оказался выпорот не тонкими, не прелестными, но при этом оставаясь женскими, диаметром – как сточная труба, ручонками.

Были здесь и снобы, и кудесники малолетние тоже. Лучше всех здесь выглядели военные – именно эти негодяи, по мнению купечества и некоторых шизоидальных, в плане своего бессметного самолюбования, деятелей театра и даже трех артисток труппы сгоревшей театральной школы, совершенно обнаглели и узурпировали право, на желанные апартаменты в каютах первого класса. И поверьте, им было все равно. Так что десять из двадцати кают было занято военными не просто так, как могло быть, по желанию генералища с рыжими усами, а потому – что так были принято в адмиралтействе, в качестве дарования особенно отличившимся в боях гражданской мясорубки, раненым, ходящим на костылях, представителям сравнительного молодого, средний возраст «везунчика» составлял сорок лет, офицерского сословия.

После небольшого затишья, вызванного единственной репликой капитана о том, что еда все же есть, толпа вновь взорвалась, в миг позабыв о удовлетворении потребности в пище, они же сразу подумали, не все конечно, что команда, имеющая большой дефицит в кадрах, и благодаря им, работающая в фактически бессменном режиме – заменялись лишь человек «у руля» и команда в машинном отделении, остальным была уготована вечное, ну почти, здравствование.

И так не рады были все, кому сегодня пришлось отчалить с уютной гавани бухты Золотой Рог. Так хорошо спалось, так хорошо пилося, а Евгению Николаевичу – и еще кое-что...

Да, понимаю, некрасиво, злая ирония. Но именно так можно было охарактеризовать двумя словами внутренние склоки между неоднородным – второсортным составом пассажиrom сей удивительной «Гельвеции», не знающей собственное имя, к своему великому позору.

Какое сборище не обходится без циркачей? Жаждающие переполов в собственном соку, решили «пободаться», так как вроде бы это полезно. И зачем? Да лишь бы так. Капитан человек простой, и чтоб успокоить бурю, не имея нужного числа помощника, да и честно говоря устав от жизни, очень тяжело относясь к всем событиям, посмотрел на этот цирк, попросил принести свое ружье. А справа все пытались в драку. И выстрелил – прямо в бескрайнее небо.

Казалось, что он прям облизался, ожидая, что спустившаяся с небес свинцовая пуля, навсегда успокоит хотя бы одного из чудаковатых пассажиров. Не понравились они ему. Да и вообще – не его это пристрастие перевозить людей. С ними проблем много – ублажением он не занимался, типичный «сухой сухогрузник».

Выстрел оказал благоприятное влияние на беснующихся. И он, словно и не было ничего, продолжил свой монолог, медленно и уже не так громко, повествуя о том, что никто из команды физически не сможет заниматься кухонным делом для всей своры – конечно он сказал куда более интеллигентно, но первым словом, которым он хотел высказать свое изменившееся отношение к пассажирам, было именно «свора», либо «стая». Далее он сказал, что продуктов достаточно, в хранилищах большое число круп, муки, есть и жир, и масло и под специально заготовленным и привезенным с севера пластами льда – и несколько туш представителей рогатого скота, и рыбу – в случае чего, можно будет попробовать выловить.

Ну и конечно всяческих консервов – специально полученных от администрации Земского края, какой-то объем чая и т.д, чего должно хватить на всех при регулярном питании.

Но он потребовал тех, кто станет кухарками – более привычном для людей слове, и конечно несколько человек, умеющих «быстро считать и планировать, и импровизировать»

Кто-то в толпе, с прискорбием, тихо вымолвил:

– Но не будет здесь моих любимых тульских пряников.

Ответ последовал незамедлительно от рядом стоящего:

– Действительно, тульский пряник заявлен в качестве гастрономического уникама России и должен быть вписан в наше наследие, при том, что он, вероятно, все-таки проигрывает главному национальному блюду России, это так называемой дырке от бублика.– что и подняло на смех большинство услышавших.

И вновь перебив ерундой и смазав его послание, капитан – очень грубо и нетактично с надрывом сказал:

– А первый обед, дорогие мои, для вас приготовили мы. Как умеем. Забрать свои порции вы сможете через час, у меня все, жду ваших предложений, если таковы имеются. Вопросы есть?

Далее публика продолжила обсуждение:

– Есть, но не вопрос, а предложение. Выбрать сменный – каждые два дня сменяемый коллектив готовящих, из числа наиболее «активных» в плохом понимании этого слова, ибо ощущать под собой вибрацию от сотрясения чьих-то башмаков, людям, не имеющим представ-

ления по поведению общества, великая честь. – внезапно сказал человек из лица «интеллигенции»

– А может тебе язык или нос укоротить за дурно пахнувшие словечки? Такие как вы провозируете, а потом считаете нас за идиотами, может вам мой дружище, пенсне помочь почистить? А то вы дальше кончика своего носа не видите, стеклышко от рассуждения запотело. – Пусть такие умные и работают. Я вообще никому ничего не обязана, у меня дети, да и большинства тоже, и в основном малые. Что вы скажете, а если потеряются вдруг?

– А вы смешные, а ваши мужья где будут? Кабака нет и не будет. Хватит сотрясать воздух, кормящие грудью, не видел я чёт таких почти на причале, отстраняются, дети малые, понятным делом тоже, как и раненые и больные. А вот остальные – считаю верным составить список, раз на то уже пошло, хотя не нравится мне эта затея, очень вы нас расстроили, и поделить на группы по сколько там надо людей и приступить к работе.

– Ну вот и замечательно, что вы стали думать и решать насущную проблему. Прошу нас не винить, мы сами не рады, предоставляем вам в пользование все нужные помещения и то, что есть. Ждем в течении получаса в кают-компании людей, которым не все равно. А если безразлично все же всем – ваши проблемы, мы вас кормить не будем. На этом у меня все. Собрание объявляю закрытым. – выцедил Константин Львович.

Дальнейшие телодвижения были более активными и привели к результатам. Не без споров, не без русской упёртости, желании прокрастинировать, то есть спустить ситуацию на самоотёк.

Вызвалось двадцать человек, женщин было немного больше, чем мужчин. Пришли к консенсусу, приняли решение, нашли необходимое решение.

А вскоре подошло время обеда – команда, неплохо постаралась, приготовив прекрасные блюда, сами такое наверняка по праздникам лишь могли устроить. Камбуз был оборудован должным образом и выглядел наиболее выдающимся в качественном формате помещения. Накормили всех, кто пришел, заодно завели специальные журналы, не без помощи трех моряков, приставленных в помощь. Так медленно и верно общество буржуа превращалось в коммуноу...

Анна Леонидовна Крузенштерн – казалось бы, обычная паняночка из богатой семьи, стояла у кухонного стола и готовила пищу, наряду с такими же как она. Наиболее наглые на палубе тоже успокоились и осознали «тяжесть» бытия. Вечер первого дня прошел прекрасно – единственный раз было разрешено устроить танцы, не смотря на мнения некоторых, что это не совсем морально, в отношении политической обстановки.

Но и они переступили через негласные внутренние запреты – действительно, мало кто в двадцать втором году танцевал. Их можно было понять. Небо было ясным до конца дня – лишь к самому вечеру были замечены признаки будущего ветра – красные облака.

Позади был и пролив Аскольда, между одноименным и имени Е.В Путьятина – человека необычайной огранки, путешественника, дипломата, подписавшего первый договор о дружбе и торговле с Японией, наконец адмирала, исследователя и министра Народного Просвещения в 1861—1862 годах!

«Лет пятнадцать тому назад здесь было до четырёх тысяч оленей. Вследствие браконьерства, глубоких снегов и прогрессивного ухудшения подножного корма животные стали быстро сокращаться в числе, и теперь на всём острове их насчитывается не более полутора ста голов. Выбирая только кормовые травы, олени тем самым способствовали распространению по острову растений, негодных для корма. Полная изоляция и кровосмешение уменьшили плодовитость до минимума. Олени вымрут, если к ним не будет влита новая кровь с материка. Владивостокское общество любителей охоты,

которому принадлежал тогда остров, мало думало об этом, и в настоящее время Аскольдский питомник на краю гибели.»

Арсеньев В. К. «Дерсу Узала»

Местность была почти безлюдна. Царствие природы и немногочисленных счастливых, бывающих когда-нибудь здесь, мельком. И тишина. Никого. Редкие поселки. Среди которых Американка, находившаяся у вышеназванной бухты, и открытая все тем же исследовательским судном «Америка», что и отразилось на ее названии, спустя тридцать лет превратится в известнейший для всякого человека, хоть что-то знающего о Дальнем Востоке в город Находка. Но не будет тогда безмятежного веселья и блаженного созерцания. Примерно так будут характеризовать здешний край через каких-то двадцать пять лет:

«Людские волны без вины виноватых катились на крайнюю точку востока – в бухту Находка, на так называемую „транзитку“. Это было преддверие ада...» «Сквозь колючую проволоку» (из дневников Аркадия Акцынова – этапированного)

Но кто в этот сентябрьский вечер мог о таком полагать. Ничего такого еще не было, несмотря на то, что здешний регион не был обделен для тех, кому предписывалась ссылка, но далеко не в таких масштабах, что позднее, уже при советах.

С каждым часом приближался момент ломки. Капитан предчувствовал это – ощущая своим телом. Ох как он винил себя в том, что вовремя не обратился к лекарю. А уже было поздно. В лазарет на судне он не верил, так как знал докторишку – «ряженного» по своей сути, обычного рыболова, который был вынужден поменять свою профессию по причине проблем с ногами – вызванным переохлаждением, во время одного из выходов в море. Он еле передвигал ногами – и какой же этот лекарь?

Его терзали муки совести, ведь он был ответственным за «Гельвецию» и ждал облегчения, смены. Но время не торопилось. Висящие в капитанской рубке часы не желали сменять время, неторопливо, будто издевательски, делая робкие шаги в будущее. Им было так прекрасно оставаться в настоящем – таком красивом и уютном, без ненастной погоды, которая ждала их впереди.

Лишь два пассажира корабля не радовались пейзажам и другим достопримечательностям. Да, прошло уже почти два дня, и разбитые до крови кулачки об двери и стены не привели ни к чему. Жажда, голод, недостаток кислорода, тошнота, и желание курить. Это было адом.

– Спасения не будет – слезно сказал Ваня, в очередной, тридцатый раз.

– Нас никто не слышит – ни звука с внешней стороны. Мне кажется, что мы ошиблись, это не тот корабль. – сказал Саша.

– Тот, тот, почему здесь так жарко и душно, мы здесь долго не протянем. Мы уже тут очень долго – кажется вечность. Корабль идет по морю – это понятно, но почему мы не слышим звуков с той стороны?

– Не знаю, но я хочу и пить, есть и поскорее выбраться с этого страшного чулана, мне плохо от нахождения здесь.

– Зачем мы на это пошли. Как же так, мы умрем?

– Я не знаю, но похоже, что да. Давай не будем говорить, меня тошнит.

– Хорошо, согласен, и рот уже сухой.

Они выглядели крайне жалким образом. Кровь на одежде Вани, бледный как смерть товарищ, приступы истерики с завидной периодичностью. Клетка закрылась и не собиралась открываться. Жуткая ситуация, без малого шанса во спасении. Только лишь случайно прошедший на совершенно близком расстоянии мог услышать их голоса – и то, это зависело от ряда при-

чин, таких как возраст и мешающие звуки окружающей среды в виде бесчисленных ударов волн об корпус, звучание мотора и иные специфические «радости» для ушей.

Облокотившись об стены, они перестали двигаться, сонливость преодолевала все. Несколько часов назад они потеряли драгоценное время на поиски хотя бы чего в груди книг с странными иероглифами и листами с картами. К великому сожалению ничего не нашли.

Если так продолжиться дальше – то следующее утро они будут обязаны начать с завтрака из бумаги, а воздуха им хватит максимум на пару-тройку дней, при условии, что они не будут его «сотрясать». Дыхание уже было неровным, накладывались друг на друга губительные факторы.

Валялся в каюте и «старый наркоман» – не подозревая о том, что сейчас умирает его последний друг на суше. Ваня сидел с закрытыми глазами и молил о спасении, впервые в своей жизни, но оно, к сожалению, не приходило. Все хуже становилось более слабому и еще более худому как хариусу после нереста, Сашке.

Первая ночь прошла крайне спокойно. Спокойствие нарушал лишь усиливающийся со временем ветер. Какая же богатая земля Приморья на всевозможные бухты. Десятки, тысячи их! И названия в основном аутентичные и запоминающиеся. Навигационные огни «Гельветии» были единственными в здешнем регионе. Ни лодки, снова тишина и чувство приятного одиночества, лишённого надоедливым нахождением среди подобных себе – построенных с металла и дерева собратьев в портах крупных городов.

Идешь себе на полному ходу – и никто не мешает, ни форватера, ни малейшего опасения «сесть» – морское дно здесь, в примерно в пятнадцати морских милях от суши уже достаточно глубокое. Покатые берега постепенно сменяются отлогими.

Ночью прохладно, температурный режим на уровне восьмидесяти градусов.

Мирно спят встревоженные барышни, перекачиваются на своих огромных и отрощенных с любовью животах, с одной стороны на вторую, купцы. И тихо умирают мальчишки, загнанные юродивым минотавром в его не имеющий выхода, лабиринт. Да, не остров Крит, но от того не легче, не зная день или ночь, впадая в беспомощность – скорчились от мук физических они, уже без надежды.

Боцман, перед заслуженным сном, решил прогуляться по палубе. Первый день убывающей луны без фонарей освещал всю поверхность, не скрывая от взгляда никаких тайн. Да и быть их не могло. Последние пассажиры покинули палубу еще три часа назад – таким образом пытаясь смягчить приступы морской болезни, а кое-кто, помимо опорожнения, того, что кое-как, но все же съели, думая, что пройдет, в гальюнах, так еще в само море – перекинувшись через бортик. Но это странное дело – особенно для детей.

Вода морская здесь крайне прозрачна, не оскверненная нечистотами, все больше и больше осознается мощь акватории Тихого Океана, как и в целом мировом океане. Мощного, оказывающего гипнотическое влияние на всех, попавших в его цепкие лапы. Чего только не видел боцман в своей жизни – но и он был подвержен, и скорее всего, как и всякий моряк, да, все же не скорее, а наиболее точным образом, этому влиянию – любви к синему цвету во всех его оттенках, от перламутра до темного, чернильно-синего цвета, которым бывает море в штормы и наиболее точно передано на картинах Айвазовского. И его токсичная натура сменялась добротой в глазах и в сердце, когда он, когда ему никто не мешал и ничего не просил и тем более требовал, и он мог наслаждаться своей детской мечтой о море. Моряки – это в большинстве своем фанатические мечтатели однолюбы. И их любовь, к большому сожалению для жен, это море или океан, ну или на худой конец – река.

Евгений Николаевич, после нехитрой процедуры, восстановился в течении трех часов и как ничего и не было, принял пост, заменив капитана, где смиренно, лучше его, такой бюрократией не занимался никто, проводил расчетно-итоговую деятельность, о итогах первого

дня с расходом угля, продовольствия, машинного масла и иных ресурсов, заодно и наблюдая за приборами.

Журнал должен был вестись крайне строго, без ошибок и неточностей, у морфиниста это получалось уже с трудом – вновь напомнила о себе рука, концентрация была низкого уровня и ожидаемый отчет, который он раньше писал для такого уровня судна, составляемый примерно за час, был написан им за трое. И что-то было с глазами, какие-то мошки нависали перед ним, клиническая картина постепенно усугублялась.

Силы постепенно уходили и белый порошок разведенный с водой забирал, то, что было воспитано годами физического труда, честного и правильно образа жизни. Впервые в своей жизни он стал понимать, что управление судовым рулем через классический штурвал, стало представлять для него некоторую сложность. Вены на руках стали выпирать, будто он перетаскал до этого несколько тонн грузов или разгрузил несколько вагонов. Не допускал он раньше и небритости, а теперь – им постепенно стала овладевать апатия, и прежде всего к себе. И очень странно, что никто из окружавших его и знающих хотя бы косвенным образом, не спросил, что с ним произошло.

Боцман казался эгоистом, которого мало интересовали чужие дела. Он даже не представился, и просто делал свою работу – словно каторжный, без всякого энтузиазма. Несколько помощников боцмана и наблюдающий вообще еще не пересекались в поле деятельности с нашим капитаном. Отдельного разговора имело стоило рассказ про внештатного «сотрудника» – дозорного, вечно спящего деда, казалось, что он был ветераном Крымской войны – настолько старым был он и в общем-то не нужным.

А вот штурмана не было, хотя по штату должен быть, его роль взял старший помощник капитана. Евгений, с вахтой в восемь часов, вместо положенных четыре. И так во всем, как вы уже поняли. Крайне недоукомплектованное экипажем, раздражающее капитана, судно. Единственное, с кем повезло – так это с командой механиков, в нужном количестве, все опытные и надежные. Ну и шкипер – помощник боцмана по хозяйственной части, и по штату, и по реальности имелся. О судовом докторе я уже рассказывал. Ну и вроде бы все, ах да – матросы, глупые создания, попались, но всё, как говорится, приходит с опытом.

Самое прекрасное на море – это даже не шум прибоя и волны, это рассветы и закаты. Далеко не все просыпаются на рассвете, многие упускают возможность начать новый день на восходе солнца. Навигационные сумерки начались того дня ровно в шестом часу утра, а к семи часам ночь отступила полностью. Второй день путешествия только начинался. Через шесть дней планировалось прибыть в Петропавловск, если будет соблюден текущая скорость хода в 7—8 узлов. В «машинариуме» заверили, что не имеется никаких проблем для соблюдения поставленной задачи. А жаль было людей, практически безвылазных в машинного отделения, отсека, как возжелаете назвать, так и называйте. Трудная работа, к тому же крайне тошнотворная, жарит в любую погоду. Но кто-то же должен был кормить железное сердце громадной машины? И кормили, и горя не тужили, годами подкидывая уголька в нужных порциях в жерло несмолкающего вулкана.

Рассвет встретили немногие – большинство, не смотря на трудности, возникающие у всякого путника, в первую ночь, не привыкшего к новому месту, охотно спали. Вот что значит морской свежий воздух, сражение, иль битва за еду, и танцы. Закрылись в комнатухах своих и не думают ни о чем, просматривая третьи сны, перед тем как проснуться. Не бегали и дети – спали как убитые. Ситуация для наших ребят с каждым часом становилась все более критической. Воздух заканчивался, сопротивление полностью прекратилось. Еще немного – и они впадут в бессознательное состояние и навсегда уснут.

Светало. День заходил чуть менее ясный, чем прежний. Встреча нового дня происходила близ бухты Соколовской – у рыбацкого посёлка, населенного, как и большинство дру-

гих, выходцам с далекой Черниговской губернии, что в Украине. Так уже было здесь заведено с недавних времен.

Надо было населять людьми, а здешних – раз взял и обчёлся, что и применимо для всей неевропейской части матушки, за небольшим исключением. Мы все когда-то приезжали. Неожитым оставался до конца девятнадцатого века здешний край, богатым на всё, что нужно было для жизни.

На рассвете с мерцающими маковками от православной деревянной церкви и дымкой от разницы температур на берегу и на воде, встретил нас расположенное Преображение – вышеописанный малый посёлок. Почему такое название?

Бухта Преображения, находящаяся внутри Соколовской, была открыта 19 августа 1860 года – в день православного праздника Преображения Господня. Сам посёлок был основан несколько позже.

Рельеф здесь менялся – в сторону возвышения над относительно стабильным передовым прибрежным. Вдалеке было замечено влияние гор – от берега от ближайшей горы Лысой было не так уж далеко. Да, здесь еще не били по рукам, за то, что горы называли горами. Это и являлось характерным отличием от «камчатских», но иногда бывало называли уже сопками – местным словечком. На самом деле разница конечно была, но ругани в ответ за упоминание того или иного слова в синонимичном контексте не наблюдалось.

Тот, кто не всматривался только лишь в передний вид и не обладал близорукостью, конечно заметил, прочувствовал, дух гор. День начинался и нужно было прекращать смотреть на безмерные и очаровательные горизонты. Пищу приготовили в девятом часу, команда «Гельвеции», чтоб не мешать – приняла решения проводить приготовления приёмы пищи заранее, упрежденным образом. Все равно рацион отличался.

– Вы готовьте то, что есть у нас, а мы – то что сами желаем. Таков закон. – сказал капитан.

– Так и положено было этому славному обычаю невмешательства. Ко второму дню процедура приема пищи несколько иным образом видоизменилась. Глотнув утреннего чайку в тесной, но уютной каюткомпании «Гельвеции», боцман принял решение о предоставлении в пользование пассажиров для дополнительных мест в столовой.

Помещения те были небольшими – но благодаря помощи матросов, вынесших несколько книжных полок, разбросав их в окрестностях и должным образом закрепив – как и всю мебель, находящуюся на судне, были организовано примерно пятьдесят-шестьдесят мест, а некоторая перестройка основной столовой еще расширила число одновременно сидящих еще на сорок мест примерно. А так как часть пассажиров принципиально отказывались от приема еды в таких учреждениях, из-за детей малых. «Кают-компанию» для пассажиров решили оставить какой есть, с богатыми креслами и сопутствующими благами.

Таким образом, к обеду второго дня, проблема с размещением была полностью решена, дефицит «мест» был минимальным – люди просто забирали приготовленные для них блюда в свои каюты, часть – и не могла без этого, а еще с двадцать человек обедали позже – «команда коков» из пассажиров. А про команду корабля вы знаете. Открылась и прачечная – в порядке самообслуживания, но это уже не вызвало большой истерии, как «благая» весть вчерашнего дня. А что в каютах пассажиров? Да в общем-то ничего интересного. Обычные – второго класса, и совершенно простые – третьего, наиболее простенькие, лишенные велюра, замши, и прочих прелестях жизни.

Так скучно и обыденно – сидеть в замкнутом помещении. Все силы были брошены на поиск занятий. Кто-то читал книги, заведомо взятые с домашних библиотек, самые ценные дня них, кто-то занимался рукоделием – при достаточном освещении спокойно вязали и шили мелкие вещи, кто-то развлекал своих чад.

Люди науки собирались небольшими, но дружными группами для обсуждений непонятных для большинства аспектов жизни, но и не без обсуждения злободневности. Чем дальше было от бухты Золотой Рог, чем больше нахлестывали воспоминания. О еще совершенно недавних событиях, произошедших буквально пару дней назад. Но этот приступ ностальгии, еще был таким отягчающим – мало времени прошло, еще Родина не отпускала, она еще вот – совершенно близко.

Лишь один благородный поступок был сделан в течении этого короткого времени – неназванный пассажир первого класса самолично решил поменять с семьей из пассажиров третьего класса – а разница здесь была и серьезной.

Особенно для семьи с тремя малыми детьми – пяти, восьми и двух лет. Сам же, добродушный господин, решил остаться инкогнито, долго не занимая свою каюту, чтоб не встретиться с тем, кому оказал помощь. Лишь к вечеру – после бессметного числа часов, проведенных в отведенной для пассажиров главной палубы, он вернулся, держа в руках лишь два небольших чемодана.

Внутри было мало излишков – одежда теплая, то есть пальто, штанов несколько, рубашек и т.д, обувь, несколько фотографий без рамок, сложенных в виде игральной колоды, несколько черновиков, три книги, ручные часы, немного драгоценностей – представляющих больше ценность как для памяти.

И две иконы, занимающие весь второй чемодан, аккуратно сложенные и завернутые в белую ткань. Да и что-то еще, по мелочи. И все. Вот типичный – распространенный здесь, за небольшими вариациями, набор одинокого волка-путешественника, навечно покидающего свою отчизну. Ах да, еще какие-то награды, иногда от самого Государя, сложенные в коробочки. Чем больше наград – тем больше у его владельца пузо. Такая вот интересная закономерность. А вот у «семейного» отложного груза полезного было больше – некоторые имели мандат на дозволенное для каждого постановлением определенно число грузов, хранящихся в специальных багажных отсеках. Но таких было мало.

«Гельвеция» постепенно отходила от берегов России. К вечеру второго дня увидеть берег представлялось трудным. Во-первых, потому, что погода изменилась – солнце постепенно сдавало свои позиции, во-вторых курс корабля все больше и больше отклонялся в сторону острова Хоккайдо. Японское море стало проявлять себя с не самой лучшей стороны – циклон, пришедший, видимо, с Курил, сподвинул море к волнению, что привело к активной работе трех флюгеров, расположенных на корабле.

Волнение морских волн было уровня четырех баллов, что не являлось ужасно страшным явлением, а скорей привычным, чем-то райское благоденствие, сопровождавшее корабль в первый день. На палубу не выходили, качка усугубила положение людей, страдающей морской болезнью. Им надо было привыкать, ибо впереди ожидали еще куда свирепые места – судно неизбежно шло на север.

К пятому часу дня старший помощник боцмана отрапортовал о пересечении сорок пятого градуса северной широты.

В европейской России – эта широта совпадала с богатыми на солнечный свет регионами, а именно с Крымом, Кубанью и Бессарабией, Северного Кавказа где в эти дни все еще было тепло и начинался сбор винограда. Здесь климат был куда менее благоприятен. Хотя и не сказать, что плох. Японцы ведь не жаловались, а с отсюда до Саппоро было девять часов ходу на корабле такого уровня, всего-то. А все, кто бывал там хоть раз, поражались красоте и буйству красок растительного мира. Особо красиво там было именно сейчас – осенью.

Но к сожалению «Гельвеция» не собиралась заходить в Японию, тем самым лишив гостей корабля особенной восточной красоты. С другой стороны, сорок пятый градус, это также и грозная и пустынная Монголия, и район озера Балхаш – там, где соленая часть озера составляет симбиоз пресной части, разделенным узким проливом.

Оставались лишь лицезреть через иллюминаторы за окружающим миром. Постепенно, медленно, с каждой милей, акклиматизируя обитателей стального монстра к безвылазной жизни внутри корабля. Кто-то писал, кто-то читал. Неоднократно посещали горожанпассажиров мысли о том, как поживает их дом, не разворован ли он за это короткое время, не сгорел ли – ибо знали, знали, какой русский человек!

Лишние мысли накручивали и не давали спать, давая странное бодрствование, сопряженное с усталостью от бездействия. Тут и не походишь, не погуляешь, когда за бортом такая дивная музыка! Тяжелее всего было животным – не обнюхавшим действующую обстановку и подверженным влиянию посторонних колебаний, звуков, запахов.

Жизнь в корабле затихала с закатом – лишь редкие всхлипы детей. Собаки смиренно, как и кошки, свернувшись в клубки, спали. Данных о том самом ёжике – единственном не только на корабле, а на сотни верст точно, не имелось. Невесело, безотрадно, жалобно, невыразительно, уныло, неинтересно, тоскливо, занудно, прескучно, пресно, нудно, нерадостно прошёл третий день путешествия. Скорость корабля несколько снизилась и продвижение замедлилось.

Со всех сторон «Гельвецию» окружало Японское море, погода окончательно портилась, хоть и ветер смягчился. Свинцовые тучи нависали со всех сторон. Но дождь не срывался – не облегчая заполненные до основания небесные бочки с водой. Небесное светило не появлялось совсем, не видно было и месяца в ночное время. Уж слишком тёмной и непроницаемой оказалась для света материя крохотных капелек воды.

Сидящим в каюте картина, в меру объективных ограничений предоставляемых небольшими иллюминаторами картинка казалась статичной и несменяемой. Мало кто мог набраться сил, чтоб часами смотреть на застывший кадр немого кино, все ожидая, что рукоятка синематографа прокрутит надоевший кадр и представление продолжится.

Более интересным делом занимался доктор Генрих Вячеславович Бжежинский, изводя перо и бумагу на какие-то рисунки, заметки. Таким образом он решил охарактеризовать всех «постояльцев» морского отеля. Он выводил карандашом прелестные гримасы запомнившихся ему людей, а пером уточнял мельчайшие подробности лица, такие как брови, усы или бороду, либо причёску. Для каждого из примерно тридцати – а он запомнил и больше, имея прекрасную память на лица, и увлеченного физиологией, антропологией и иными сложными и малоизученными дисциплинами, он выделял по странице, где, облокотившись об стену, под не самым качественным освещением, выводил в письменном виде краткую характеристику, и чаще всего – полагаясь на внешний вид. У каждого свой способ помешательства.

Но чего было не отнять – умения классифицировать и концентрироваться на своем любимом занятии, не отвлекаясь ни на что, и ни при каких условиях, таким образом он даже пропустил ужин – увлечено рисуя портреты и описывая какими-то странными формулировками лица. А вот рассеянности в обычной жизни у него, как и у многих людей с таким мышлением, были большие проблемы. Не менее скучным делом занимался и Евгений Николаевич – борющийся с желанием употребить очередную дозу наркотика.

И пока у него получалось – действительно, он начал думать и предпринимать действия по тому, как выйти из сложившейся ситуации, что поверьте, после двух месяцев «стажа» уже являлось если не подвигом, то серьезным проявлением силы воли, под гнетом собственного мозга, обманутого и истощенного алкалоидами всех видов. Нейроны с стремительной скоростью – прямо пропорциональной поглощению яда, выбивались из строя, убивая сознание и делая из человека ужасное животное с одной лишь идеей сведённой до паранойи жажды к отраве.

Одолжив у капитана не самый тонкий талмуд, часть из которого составляла сшитая ведомость, в которой как вы понимаете значились данные пассажиров, он стал искать среди них врачей.

В самой ведомости профессии не значились, а вот в специальном документе, подготовленном департаментом, наряду с еще несколькими бумагами, для миграционной службы США на русском и английском языках, были указаны многие подробности из жизни каждого из пассажиров, по крайней мере место жительства – по состоянию на сентябрь двадцать второго года и до революции, места работы, образование, дата рождения, всякий двухсторонний лист был заверен печатями, с удивительным качеством самой печати – будто и не спешил тот, кто набирал, без ошибок, на качественной бумаге, с должным уровнем подачи, хотя, замечу, это были последние дни Белых и смотря на многие непродуманные вещи, как то же питание пассажиров, думалось, что и документооборот если и велся, то так себе.

На вопрос Константина Львовича зачем ему это нужно, г-н Врублевский сказал, что ему показалось, что среди пассажиров он мельком заметил его приятелей из молодости, но не успел сблизиться, как они неведомым «испарились», и привирая с хорошим тоном сообщил, что он так хотел с ними пообщаться, ежели не ошибся. Собственно, отказывать Львович не стал, Евгений Николаевич имел законное право доступа к сейфу, где хранились эти документы. Также он предупредил о том, что документы необходимо будет вернуть в должном виде, хотя это звучало смешно из уст капитана корабля, любящего ставить кружку с чаем прямо на бумагу любой ценности и секретности, лежавшей на столе, с вытекающими из этого последствиями.

Напоследок, а так как вахта капитана у руля уже подходила к концу, Константин Львович по-дружески сделал замечание насчет внешнего вида его зама, посоветовав поспать, так как:

– Не нравятся мне твои глаза, так и норвят из орбит вылезти, не читал бы ты сейчас, а то красные какие-то, или мне кажется из-за света. Да, кажется наверняка, попроси матроса поменять лампу, а то что-то, то дрожит, то тускнет.

– Да это она расшаталась, моргает зараза, я прикручу, может и послужит еще. Насчет себя понял, да что-то не здоровится мне, да и недавно переболел сильно.

– А что же ты так, ну ладно, чего я буду тебя расспрашивать, пойду я, ноги груженные, откину их хоть. Вторая, на вахту!

– Так точно, приступаю. Спасибо за ключи – почитаю попозже.

Жизнь в три вахты в сутки – трудная вещь. Капитан, собственно наш «герой» и старший матрос, трое они держали корабль под своим контролем. Не недооценивая роли остальных, именно пост «рулящего» и создает «благоприятный попутный ветер», и от внимательности и опыта управлять и принимать решения, и продумывать их, так как не всегда то, что написано по уставу может быть воплощено в жизнь. При желании – любое судно можно специально или даже случайно довести до критической ситуации. И человек, должен быть всегда в здравом рассудке. Но никто не знал, что второй человек на корабле, таким уже и не обладал, быстро теряя данное природой чувство трезвости.

Но если уж и быть честным перед собой – то насчет последнего тезиса можно поспорить. Рыльце в пушку было и капитана – имеющего интереснейшую историю жизни, скрытую им же. Константин Львович в молодости провинился, живя богатой жизнью, вызвав кого-то на дуэль, что было просто невыносимо для второй половины девятнадцатого века, и об этом узнали, в итоге он был сослан в здешний край – чтоб проветрить дурную голову, своим же отцом. Так и остался, навсегда порвав связь с родителями и прошлой жизнью.

Был одним из строителей селения для каторжников – одного из первых в Приморье, затем служил на Сахалине, надсматривая над каторжниками. Там и сблизился с наиболее адекватными и подсел на какое-то пойло из корней и чего-то еще, имеющих легкий одурманивающий эффект, что и стало «сахарком» для трудной жизни бывшего жителя одного из крупных городов Европейской части. После 7 лет службы пошел в торговый флот. Ничего о себе не рассказывал, оставаясь скрытным и суховатым на жизнеописательные истории про себя.

Еще более странным был доктор – не зря Евгений Николаевич не хотел к нему обращаться. Будучи человеком новым на корабле, ни с кем не сблизился, но активно поглощая

чай. Капитан судна подозревал в нем повадки бывшего ссыльного, таких он видел подолгу, да и знал как облупленных, но возразить не мог. Работал и работал, воровства никто не заметил за три «ходки», которые он уже провел в связке с текущей командой.

А странным он казался по причине скрытой любви к чифирю – тогда о нем мало кто знал, чай в Приморье знали хорошо, а вот от его концентрированной форме – десятки, максимум сотни. Он еще не стал арестантским напитком, но уже имел небольшую когорту поклонников. Но все еще проявиться и о нем узнают и дети малые и старики. Этот напиток представлял собой очень мощную «заготовку» черного чая, употребляемый без чая и оказывающий психо-стимулирующее влияние.

И вот таким людям агонизирующая власть поручила жизни трехсот с лишним представителей, как они говорили «лучших из лучших». Не повезло, не повезло. Но к счастью, пока все шло чин-чинарём – то есть без нареканий. Впервые за ставший уже продолжительным промежутком времени, показали берега. Дети, проснувшиеся утром и первым мигом посмотревшие в иллюминаторы, обрадовались, посчитав, что всё – они достигли финишной черты.

Удивительно, но это проявилось у всех ребят и девчонок, словно их собрали заранее и сообщили синхронно сказать. Но нет, никто над ними не издевался таким образом, потешая враньём, все было куда проще – детское сознание прекрасно и думает оно примерно одинаково до определенной поры.

Вот почему с возрастом и проявляется максимальным образом та самая индивидуальность, являющаяся плодом множества идей и факторов, легко зашедших в гостеприимный и поглощающий как губка детский мозг.

Конечно, это было обманом. То был небольшой остров Ребун. Изучить его не представлялось трудным – он находился в трех морских милях от правого борта «Гельвеции». А еще через часвторой, уже после завтрака, корабль вошел в пролив между северной оконечностью острова Хоккайдо и южной оконечностью острова Сахалин мысом Крильон, соединяющий Японское и Охотское моря. Назван он в честь французского мореплавателя Жана Франсуа де Лаперуза, открывшего пролив в далеком 1787 году.

Берега здесь лишены большой растительности, как южнее, сплошные гордые скалы и трава, схожая на ковыль, как в степной зоне. Стоит здесь горделивей всех одиноко стоящий маяк – спаситель душ и кораблей.

Сахалин вот уже полностью под Японской империей. Его южная оконечность – встреченная «Гельвецией» этим утром, вот уже восемнадцатый год, благодаря Портсмутскому мирному договору, утвердившему границу к югу от пятидесятого градуса северной широты., включавшую в себя весь Корсаковский округ и большую часть Александровского Сахалинского отдела, отошла под власть этой империи. А спустя два года после заключение пораженческого договора по итогам Русско-Японской, 31 марта 1907 года на этой территории было образовано губернаторство Карафутто с центром в городе Отомари (б. Пост Корсаковский). Но ведь вы говорили про весь Сахалин? Да, подождите. Вот всего два года назад пришел черед и северной «половинке» этого длинного острова.

Северная часть острова была оккупирована после Николаевского инцидента- конфликта между Японией и ДВР, расправой, проходящей с 23 по 31 мая 1920 года над японскими военнопленными и уцелевшими японскими жителями, последовавшая после вооружённого конфликта между партизанами и частями японской армии с 12 по 15 марта 1920 года в Николаевске-на-Амуре.

Если говорить об истории заселения острова, то первыми ее жителями были японцы.

Первое поселение на юге острова Отомари – появилось в 1679 году. Остров был назван японцами Кита-Эдзо, то есть Северный Эдзо (Хоккайдо). Только с 1805 года тут стали появляться первые российские корабли. В 1845 году Япония в одностороннем порядке провозгласила суверенитет над всем островом и Курильскими островами. Однако по Симодскому трак-

тату (1855 год) между Россией и Японией Сахалин был признан их совместным нераздельным владением. По Санкт-Петербургскому договору 1875 года Россия получала в собственность остров Сахалин, взамен передавая Японии все, в том числе северные, Курильские острова.

Если говорить об истории острова и его первом населении – то первыми были японцами. Первое поселение на юге острова – Отомари – появилось в далеком 1679 году. Остров был назван японцами Кита-Эдзо, то есть Северный Эдзо (Хоккайдо). Только с 1805 года тут стали появляться первые российские корабли. В 1845 году Япония в одностороннем порядке провозгласила суверенитет над всем островом и Курильскими островами. Однако по Симодскому трактату между Россией и Японией Сахалин был признан их совместным нераздельным владением.

По Санкт-Петербургскому договору 1875 года Россия получала в собственность остров Сахалин, взамен передавая Японии все, в том числе северные, Курильские острова

А где в те далекие времена были русские? Недалеко, семнадцатый век это открытие Байкала и Дальнего Востока. В 1639 году отряд первопроходцев Ивана Москвитина вышел к Тихому океану и открыл Охотское море, после чего разбил лагерь в устье реки Улья. Казаки узнали от местных жителей о большой реке Амур далеко на юге. В 1640 году они отплыли на юг и исследовали юго-восточное побережье Охотского моря, возможно, достигнув устья Амура и, вероятно, на обратном пути открыв Шантарские острова. На основании записей Москвитина Курбат Иванов в 1642 году нарисовал первую русскую карту Дальнего Востока.

В 1643 году Василий Поярков пересёк Становой хребет и дошёл до верхнего течения Зеи в Даурии, народ которой, дауры, платил дань манчжурским завоевателям Китая.

После зимовки в 1644 году Поярков спустился вниз по Зее и стал первым русским, достигшим Амура. Затем они спустились вниз по Амуру и открыли местоположение устья этой большой реки с суши. Так как у казаков сложились враждебные отношения с местными жителями ранее, Поярков избрал другой путь назад. Они построили лодки и в 1645 году поплыли вдоль берега Охотского моря до реки Улья и провели следующую зиму в хижинах, построенных Иваном Москвитиним шестью годами ранее. В 1646 году экспедиция вернулась в Якутск.

Но все силы русских первооткрывателей были кинуты на северные окраины здешнего региона – это время появления на картах таких рек как: Колыма, вышеназванного Амура, Олёкмы и многих других. Это также время открытия Чукотки и реки Анадырь.

В 1660 году Курбат Иванов – первооткрыватель Байкала отплыл из Анадырского залива к мысу Дежнёва. Кроме своих ранних карт, Иванов взялся за создание первой карты Чукотки и, и того что позже будет называться Беринговым проливом, на которых на основании данных, собранных у чукотских аборигенов, впервые появились (очень схематично) ещё неоткрытые остров Врангеля, оба острова Диомиды и Аляска. Таким образом, в середине XVII века Россия установила свои границы близко к современному их состоянию и исследовала большую часть Сибири, кроме восточной Камчатки и нескольких регионов за полярным кругом. Завоевание Камчатки осуществлялось в начале восемнадцатого века Владимиром Атласовым, а исследование арктического побережья и Аляски было завершено Второй Камчатской экспедицией в 1733— 1743 годах.

*** Переходя к делам насущным, с трудом отвлекаясь от изучения истории географических открытий, можно было сказать, что «Гельвеция» даже ускорила свой ход – за счет уменьшения своего веса, по причине потери десятков тонн угля и благодаря силам команды машинного отделения текущая скорость движения состава десять узлов. Стали встречаться небольшие лодки японских рыбаков, реже – русских. Иных здесь не было и быть не могло.

Во время обеда в столовой разразился большой силы конфликт. Поводом для нее послужила дискуссия насчёт территориальных претензий к Японии. Первоначально разговор велся

спокойно – стороны, представленные двумя рядом стоящими столами из состава компании высокопоставленных военных и научным составом мирно обсуждали Японскую войну 1905 г.

Но один академик, как оказалось позже, слегка подпив до этого у себя в каюте, по причине почтения памяти усопшей пять лет назад жены, что весьма странное явление среди русского народа – поминать мертвых спиртом, начал рассказывать с хвалебной коннотацией о «освободителях» японцах и о том, какая прекрасная страна и он был бы рад тому, чтоб лучше вся Россия вошла в состав «великой» Японской империи. Конечно понять востоковеда и японоведа можно, он был влюблен в Японию.

Но на фоне того, что возле него сидели военные, да и к тому же, косвенным образом участвующие в вышеописанном Николаевском инциденте, это было крайне глупо. Усугубило положение его реплики и поддержка со стороны научной редколлегии – подозрительно симпатизирующей японцам и имеющим тесные связи с ними.

Как и полагалось – риторика военных изменилась, хоть и не была излишне критической к объекту обсуждения, ведь не без японцев, хотя вели они себя как оккупанты, но иначе никто бы себя иначе и не вёл, в обмен на просьбу помощи от белогвардейцев, не имеющих никакой политической силы за собой к 21—22 годам, весь ново названный Приамурский земский край еще держалась на плаву. Но вновь усугубив разговор, человек науки стал обвинять чуть ли не персонально генералов в том, что они сдали или даже продали Сахалин с потрохами в обмен на билет на этому судне. Но тут уже не выдержали и началось представление. Все самое интересное происходило первые три-пять минут, поломанные стулья, головы, посуда, перевернутый стол, паника и бегство мирно обедающих. Как итог – подоспевшие матросы и решение капитана о позорной для представителей высоких сословий гауптвахте. И это при том, что пьяным – и то, с преувеличением, был лишь один человек.

Генералы пытались сопротивляться решению капитана, посылая в его сторону чертовские оскорбления и пожелания, вплоть до того, чтоб этот корабль утонул к чертям собачим. Но матросы были сильнее толстых стариков. Вот так легко было сменить каюту первого класса на позорную обитель. Приступ ярости капитана корабля – Константина Львовича, не проходил целый день. Ох как же он жалел, что подписался на это дело. Он мечтал вести свой сухогруз и ни о чём и ни о ком не думать.

Абсурдность ситуации заключалась еще в том, что произошло это неприятное действие, испугавшее людей и нарушившее сложившийся порядок, в непосредственной близости от залива Терпения – одноименный полуостров выступающий на пятьдесят с лишним верст и образующий дугообразный залив виднелся с левого борта и был доступен невооруженному глазу. Залив открытый в 1643 году голландским мореплавателем М. Г. Де Фризом и был назван им заливом Терпения, поскольку его экспедиции пришлось пережить здесь длительное время густой туман, не дававший возможности продолжить плавание.

Не было в тот день и привычного здесь тумана, погода вновь радовала в этом безрадостном на солнечные лучи местности. И тут такое. Да уж, терпения не хватало большинству, раз нервозность себя стала проявлять уже с третьего часа морского путешествия.

Львович, явно превышая свои должностные обязанности с одной стороны, а с другой – поступая вполне обыденно, как для такой потасовки, на вопрос старшего матроса о длительности наказания для глупцов ответил:

– Да хоть перманентно. Лишь бы не бузотèрили. Пусть посидят; даже не корми денёк, пусть заодно и похудеют, может научатся, раз не научились раньше, правильному поведению. Не говори мне о них, поступайте как желаете. Сейчас бы стариков успокаивать, ей Богу. Я такой дурости ещё не видел»

Прошедшая ночная вахта у Евгения Николаевича не дала ему в полной мере ознакомиться с добытыми документами. Отвлекаться на управление в некоторые моменты было опасно, в виду непредсказуемости ночи.

Толерантность к морфию росла, но он еще держался, платком вытирая мучительный пот, вызванный жаром от ломки. Глаза болели, хотелось спать, но он стоял на своем и изучил примерно треть от всего объема, мог и больше, но не сумел. Перед концом смены, положил документы обратно в сейф, уведомил, что они еще ему будут нужны. Кто знал, что нужные ему доктора имеют фамилии начинающиеся с последних букв алфавита, а в этой ведомости все «дела» шли в алфавитном возрастании. Он был разочарован – ни одного врача. Но он знал, что они есть, знал, иначе бы не могло бы быть. Ну как же без них? Терпение, терпение...

И лишь заступив следующим днём на вахту – ровно через двадцать четыре часа, не выдержав мук и вновь покорившись яду, он продолжил свою деятельность по поиску необходимого врача. Он был уже точно уверен, что никогда не обратиться к судовому – этот идиот вёл себя ужасно, полностью закрывшись и изолировавшись от остальных. Он выглядел хуже Евгения Николаевича, будто и сам был таким же как его возможный «пациент». Лишь отсутствие проблем со здоровьем и обращений сдерживало команду капитана от еще одного неприятного «открытия».

Врублевского что-то наигрывал на небольшой дудочке, чтоб хоть как-то скоротать время. Да, Евгений нашёл двух докторов – да, их профиль не указывался, к великому сожалению, осталось лишь взять ведомость о размещении и узнать номера кают и попытаться откровенно, тет-а-тет поговорить о своей беде.

И следующего дня – едва только закончился завтрак, он направился к нужной каюте, располагаемой в ярусе второго класса, где и должен был найти пассажира. К великой радости ему открыли. Но дальше не заладилось. Как только Евгений Николаевич стал подходить к тому, чтоб начать общение, его стали игнорировать:

– Уважаемый, как вас там, не помню. Я не занимаюсь врачебной деятельностью и советами, пожалуйста, не мешайте, я очень устал, я не сплю уже шесть суток. Поймите меня, у вас же есть доктор на корабле, вот к нему и обращайтесь. У вас же что-то простудное – выпейте чего-то погорячей, и так далее. Ну вы знаете.

– Нет, нет, подождите. У меня другая проблема, большая. Можно я закрою дверь? Личного характера.

– Ну я же попросил вас уйти. Мне не до вас, сегодня я не врач, мне самому плохо. Пожалуйста, идите к моему другу Алексею Иннокентьевичу – он рядом, через три каюты, вот к нему и обращайтесь. Простите, но если я сейчас сорву свою попытку заснуть – сойду с ума.

– До свиданья, извините, извините...

Наш капитан и не думал, что его так отошьют, да еще так грубо. Но почему? Ему сразу и перехотелось идти к следующему. На своём молоке обжёгся, на чужую воду дуть ли? Он опустил руки и решил не идти. Это было ошибкой – но в такой ситуации без помощи со стороны никак, и он потерял силу в себе.

«Грозное» Охотское море не доставляло никаких проблем. На протяжении всего следующего дня стояла восхитительная погода, позволившая без проблем приблизиться к пятидесятой широте. Курс корабля смещался по диагональному направлению – впереди «Гельвецию» ожидала встреча с Курилами – еще одним местом для жарких споров за территориальный контроль, «Геркулесовыми» столбами перед входом в «настоящий» Тихий океан.

Ах, как жаль, что «Гельвеция» практически не приспособлена, практически, к ловле рыбы. Это ведь настоящая сказка и блаженный рай для рыбака. С большим огорчением на бескрайнее море смотрел боцман – вспоминающий свои ежемесячные походы сюда в мирные вре-

мена. И ох, как давно это было. Вспоминал он и берег Сахалина – и найденный янтарь необычайной красоты, вишнево-красного цвета, размером в ладонь.

– Через два дня будем в Петропавловском порту, ночью пройдем меж Онекотаном и Парамуширом. Надо будет весточку дать – а то мало ли что там произошло, можем нарваться на проблемы. – во время завтра сказал Бецман.

– Проверьте пункт радиотелеграфа, завтра с утра и отправим сообщение. – сухо ответил Константин Львович, поедая нехитрую похлебку и рыбу с консервы.

– Да может перестать давиться ей, Отец, может попробуем половить? – И как ты себе это представляешь?

– Может через лебедку как-то. Ваше дело. Странно конечно, но я бы не отказался.

– Ну-с, сворганьте, спорим на добычу, если будет хоть что-то съедобное, готов взять вахтовую смену на себя. Но не в укор времени. Да уж, сам вспоминал десятый год.

– Ну и ладненько. Через час попрошу ребят, у них как раз смена заканчивается, час времени заберу, вдруг получится, хотя представляю я себе это весьма странно. У нас есть сеть – но лично мне сложно представить, чтоб ее закинуть. Я пошёл – вечером жду результата.

По мере приближения к Курильским островам ветер становился все более и более жестким. Волны подхватывали инициативу и они становились серьезными. То благополучие, которым встретил «Гельвецию», ошибочно называемую некоторыми пассажирами – Венецией, оборачивалось тяжелыми проводами. В десятом часу утра стали виднеться, еще не очень отчетливо, вулканы острова Парамушир – названия, имеющего айнскую этимологию (айнский – малый язык, распространенный на острове Хоккайдо).

«Пара мосир» – «широкий остров» являлся одним из островов Северной группы Большой гряды Курильских островов.

Видимость снижалась постепенно, и седьмой день путешествия оказался самым неблагоприятным для наблюдений. Лишь поздней ночью – ориентируясь на приборы, стало понятно, что еще через пару дней пароход дойдет до малого острова Макарунши – и надо было смотреть в оба, ибо видимость была на уровне 300 метров – то бишь 450 саженой. Почему большинство измерительных единиц указано в русской, а не метрической системе измерений? Обязательный переход на метрическую в Российской империи не состоялся, и эта система длин стала необязательной, но разрешенной к использованию лишь в 1898—1899гг.

Будучи людьми не прогрессивными, а можно сказать, что и ультраконсервативными, вся команда корабля использовала в обиходе прежнюю систему, хоть и была знакома с новой, ставшей уже очень скоро общепринятой. У советов данная система вытеснила русскую в восемнадцатом году.

Семен Семёнович проснулся в разбитом состоянии – ноги и руки были от меняющейся погоды. Он уже стал жалеть, что решил на старосте лет намерять на себе одеяние «разведчика», но его потешали скудные и весьма гиперболизированные представления о Америке, которым он обманывал мозг и глаза – видевшие до боли скучную картину за иллюминатором. Слежка проводилась и являлась, как и он полагал ранее, крайне скучным занятием. Его подопечные ушли играть в карты с одним из тех, кого большевики посчитали нужной целью. Он лежал и думал о великом?

Нет, в такие мрачные дни – а был уже октябрь, как вы понимаете, а здесь это было похуже самого мрачного ноябрьского дня для среднестатистического жителя необъятной России, особо не подумаешь. Хотелось спать и ничего не делать.

Но он был доволен, кормили хорошо – он и сам уже поработал разок в роли кока, впервые в своей жизни. Но тогда еще стояло солнце и ему было весело на душе. А вот последние два дня сломили его оптимизм, и он мысленно просчитывал, взяв какой-то странный, будто пожёванный собакой с одного угла, где мысленным штангенциркулем рассчитывал скорость движения и ориентировочное место прибытия до Америки.

Количество занятых различными играми и делишками, стало резко увеличиваться. Первичный интерес к окружающим реалиям постепенно угас. В кают-компаниях проходил момент социализации, где еще вчерашние незнакомцы стали обрести дружественными связями. Еще недавняя тактика изоляции и отстраненности от связей с незнакомыми людьми постепенно складывалась как неправильно построенный картонный домик. И все же человек – несмотря на любовь к индивидуализму, это стайное животное. И чем больше проявляется его скукота и незанятость работой, тем больше он ищет повода для общения, занятия общепольным делом, тем более он становится открытым и более честным.

А как недавний инцидент связан общением барынь! И понеслось. Пароход стал снова «обретать» социальным духом, слухами о коварном капитане корабля, о негласном «сухом законе», и о том, как Константин Львович тиранизирует тех, кто идет против его правил.

Как и во всяком слухе и здесь была своя доля правды.

Алкоголь – как и на любом судне такого уровня среди членов экипажа понятное дело был запрещен, да и среди пассажиров тоже не рекомендовался, по причине отсутствия у пьющих всякой грани, хотя с этим делом могла помочь океанская вода с стабильной в любое время года температурой 0...+5 градусов по Цельсию.

И много кто бы выдержал в ней хотя бы пять минут? Не думается. Раз пьете – так меру имейте, здесь не скроешься и не побуянишь без привлечения внимания остальных – таков закон пчелиного улья.

Евгений Николаевич в трижды разбитом душевном состоянии стоял за штурвалом. Он проходил Четвертый Курильский Пролив и встречал Тихий Океан.

Снова наиболее серьезный к концентрации внимания момент попался на его вахту, но в этот раз ему помогал вновь боцман, пролив был широким, но вот названная ранее видимость – крайне слабая. Но все прошло благополучно. Важный момент был преодолен.

Повара сменялись одни за другим, и синтез коллективного мышления направлял недюжинные усилия на «придумывание» вариантов блюд из того, что имелось в наличии.

А было многое, разве что ананасов и мандарин не имелось совершенно. Были даже яблоки – правда, в виде варенья, интересным образом попавшего в деревянной бочке с небольшим объемом и под действие сахаров представляло собой кристаллизованный, до ужаса сладкий концентрат, светлокaramelного цвета! Сыты были и животные – они питались отдельно, проблематично было лишь ежу, птицам нашли зерно.

Хлеб не выпекали, ограничились лишь галетами, которых было заготовлено на без малого армию – сотни пудов. Велась борьба против грызунов силами матросов и поварят.

Вот уже и календарь сменил второе октября на третье. Шёл легкий и достаточно теплый дождь – как для здешних мест. Видимость несколько улучшилась, за счет исчезновения тумана и меньшей облачности. Непостоянство в климате – второе «я» этого региона.

Камчатский полуостров, а вернее его южная оконечность – то, что вскоре будут называть Южно-Камчатским заказником – пожалуй самым медвежьим местом России.

Нигде нельзя увидеть одновременно столько косолапых рыбаков, сколько их собирается вдоль берегов Курильского озера во время нереста красного камчатского лосося – нерки. Корабль шёл вдоль полуострова – так было проще держаться положенного курса на Авачинскую бухту. С левой стороны наконец, после надоедливых пейзажей, могущественно возвышались вершины.

Живое сердце южной пяди полуострова – кратерное озеро Курильское, которое увы скрыто от взгляда со стороны моря. Рожденное мощным взрывом вулкана, напоенное снеговой и дождевой водой, обрамленное вулканом. В небе близ берега можно было заметить сапсанов и каких-то белых птиц – на них и велась охота со стороны хищников. Разглядеть это можно

было лишь в бинокль, так как человеческий глаз, к сожалению, не такой зоркий, как у многих хищных птиц и зверей.

Дикие земли на крайнем юге полуострова, неустанно штурмуемые Тихим океаном с восточной, и Охотским морем с западной стороны, не оставили равнодушных к грозной красоте, с постоянным опасением того, что вот-вот и сопки заиграют с пламенем и начнут тлеть. Да, и действительно – все окрестные и видимые с «Гельвеции» вулканы являлись действующими. С великим удовольствием, стоя на палубе толпы пассажиров смотрели на здешние виды. Да и соскучились они по свежему воздуху – благо им скоро повезет с этим и будет даровано время, чтоб постоять на суше, на все еще Русской, но такой далекой земле. Лишь гора Неприятная – являлась потухшим вулканом, а вот Желтовская сопка, Ильинская, и конечно Ксудац – весьма активными, то бишь «живыми».

Последний и вовсе извергался пятнадцать лет назад, по замечанию одного из географов, который увлекался вулканами и бывал здесь неоднократно, чем и вызвал для публики интерес, став своеобразным рассказчиком, лектором, с такой любовью рассказывая про кальдеры, кратеры и менее знакомые обычному гражданину слова.

Но эта идиллия не могла долго продолжиться – и в разговор вступил еще один знаток, но только фауны и флоры, который негодяйским образом переманил к более интересной теме для обсуждения большую часть непреданных слушателей, он как и полагалось по специализации рассказывал про растительный мир и про животных. А его друг – орнитолог, иногда встречал с рассказами про птиц – показывая на них прямо рукой. Прохладная погода и сырость вовсе не распугали путешественников, а горячий чай лишь продлил нахождение до позднего вечера. Ночью корабль впервые сильно снизил скорость хода – усталость обслуживающих его «сердце» давала о себе знать. Корабль шёл с ходом в четыре узла в час и лишь утром вновь стал набирать скорость. Так, неосознанно, не хотелось прощаться с последним оплотом русского духа.

А что «охотой» на морских обитателей? Увы – затея оказалась глупой. Заброс получился неудачным и порвал сеть, что вызвало гнев у горедобытчиков. При поднятии сети обратно – случилось еще более неповадное дело, сеть разошлась на сотни «нитей», уж слишком древней она была и под воздействием холодной воды с ней что-то случилось. Капитан с боцманом посмеялись и разошлись по делам.

Но оказалось, это была не простая авантюра – а внутренний спор между ними. В итоге боцману пришлось сварить уху с сапога, и выпить «замечательный на вкус» прелестный бульон при всех на обед. Конечно это было смешно и подняло настроение на несколько пунктов точно. Издевательская натура Константина Львовича не знала мер, и эта шалость была одной из самых проявлений его безразмерной фантазии. Он пытался подколоть и Евгения Николаевича – но тот, сославшись на усталость, сорвал попытку.

Берег кардинально изменился, и был схож на Норвежский. Капитан предположил, что это подобие фьорд – узких, извилистых и глубоко врезающийся в сушу морских залив со скалистыми берегами тем сопровождали корабль до вечера девятого дня путешествия.

Но это мнение было ошибочным с точки зрения каждого географа. Оказались позади сопки – Горячая и Мутновская, огромнейшие вулканы, вносящие страх и чувство даже какого-то раболепства. За час до ужина корабль вошёл в Авачинскую бухту, уже было темно, но вечно белая маковка Корякской сопки привела в экзистенциальный восторг любителей фотографий – а этим увлечением страдали поголовно все. На фоне светящихся огоньков Петропавловского порта это выглядело сказкой.

Здесь уже все были готовы к причаливанию «Гельвеции», весточка, набранная одним из матросов, умеющих работать с радиотелеграфом успешно получена и на запрос был дан положительный ответ. И правильно – ведь ситуация на Камчатке была сложной. А вот для этого необходимо проследить за оригинальной историей борьбы за власть за последние годы.

События 1917 года подняли страну на дыбы, не оставив в провинциальном благодушии и камчатскую «Тмутаракань». До Октябрьской революции в Петропавловске жили около двух с половиной тысяч человек, в основном, чиновничество с семьями. Довольно многочисленной прослойке полицейских и жандармов делать практически было нечего: воровали у нас редко, а про убийства – слышать слыхали, но не видели.

Например, за весь 1916 год окружной суд рассмотрел пять или шесть уголовных дел. Стражи правопорядка, в основном, «трясли» с местных рыбу и пушнину, искали неплательщиков ясака, шлялись по кабакам и домам терпимости – благо их в городе хватало.

А вот к началу 1918 года Петропавловск сильно обезлюдел – осталось около тысячи горожан, остальных суровые вихри рассеяли по просторам теперь уже бывшей империи или по границам.

Но странно – чем меньше оставалось в Петрограде экс-подданных российской короны, тем больше появлялось торговых лавок, парикмахерских, ювелирных и прочих ремесленных мастерских. И в каждой такой точке можно было лицезреть личность восточной наружности: островная империя издавна вела политику отторжения Дальнего Востока от России. «Хакко иттио!» – «весь мир под японской крышей» – часть древнего самурайского закона Бусидо.

Шустрые эмиссары Страны восходящего солнца всячески подогревали и без того неспокойную обстановку, вербовали сторонников среди обиженных переворотами горожан, готовились выступить в роли гонимых, чтобы немедленно получить помощь в виде экспедиционных войск метрополии.

10 июля 1918 года в Петропавловск пришла телеграмма от русского консула в Японии, Лебедева с запросом, арестована ли советская власть, а не то... соли вам Япония не отгрузит! Руководители Совета находились во Владивостоке, члены Совета впали в ступор от растерянности.

Воспользовавшись беспомощностью Петропавловска, в селе Завойко (Елизово) клан Машихиных махом собрал волостной съезд, объявил диктатуру волости по всей губернии при подчинении её сибирскому правительству.

Получив поддержку от скинувших рыбацкие робы подпоручика Кольшкина, штабс-капитана Семёнова, есаула Сальникова, прапорщика Охрименко, владельца мельницы Болтенко (прибывшего в Петропавловск с документами союза приамурских кооперативов, чтобы прикупить рыбы для нужд Владивостока), сельские властители Камчатки арестовали членов Совета и на пароходе «Завойко» отправили во Владивосток. Но оттуда в августе под видом инструкторов по кооперации прибыли коммунисты М. Воловников, Н.

Холодов, левый эсер (ставший большевиком в 1920 году) П. Маловечкин, возглавившие борьбу за восстановление власти Советов...

Во Владивостоке высадились японские оккупанты, сибирское правительство было с их подачи низложено Колчаком. Заодно слетело и «автономное временное правительство Завойковской волости». Губерния оказалась под белой властью. Но в ночь с 9 на 10 января 1920 года окрепшие борцы за власть Советов арестовали 25 офицеров и работников администрации Петропавловска. 10-го числа же на общем собрании жителей Петропавловска и окрестных сёл был избран военно-революционный комитет. Возглавил его некий Маловечкин. В мае в состав комитета вошёл Ларин. 11 января ВРК объявил по области власть трудящихся и, не откладывая дело в долгий ящик, приступил к организации добровольной охраны (милиции).

Летом 1921 года из Читы пришло сообщение о готовящейся высадке на полуостров полутысячной белой экспедиции во главе с Бочкарёвым (по некоторым данным тех лет под этой фамилией выступал коммерсант Валентин Озеров, в своё время сдавший американскому предпринимателю Олафу Свенсону на шхуну «Мазатлан» за 220 тыс. долл. 75 винчестеров, полсотни автоматических револьверов «Ремингтон» большую партию казённой пушнины).

В распоряжении Совета находились десять милиционеров и столько же сотрудников аппарата управления.

На собрании жителей города ревком принял решение уйти в глубь полуострова. 28 октября, завидев приближение парохода «Кишинёв», набитого бочкарёвцами, советская власть вместе с народной милицией ушла в сопки. Остановились в селении Кольгер близ Жупанова. В декабре того же 1921 года из Анадыря в Петропавловск перебрались Георгий Елизов, Митрофан Лонгинов и Пересвет-Солтан. Вначале они нашли приют в Сероглазке в семье И. Крупенина, но через несколько дней были арестованы. Белые не смогли за две недели допросов «расколоть» троицу на причастность к деятельности в пользу красных и отпустили её восвояси. Те сразу подались в партизаны. В феврале следующего года Елизов уже командовал небольшим отрядом, который, присоединив по дороге десяток охотников – аборигенов, стал вблизи Петропавловска.

На крыше своей заставы «красные» водрузили деревянный макет пулемёта, а сами, разъезжая на лыжах во все стороны, имитировали многочисленность. По ходу дела захватили и расстреляли направлявшегося в Паратунку полковника князя Лукомского. Может, человек икупиться ехал...

Вскоре елизовцы заняли село Авача. По возвращении местных жителей с охоты и по прибытии членов ревкома, было решено созвать съезд, который и состоялся в Завойко. Согласно решению съезда делегат от жителей ительменского села Ухтолок и ряда других деревень Тигильского района, первый председатель Тигильского кооператива, телеграфист Илларион Васильевич Рябиков вместе с двумя камчадалами был послан в Петропавловск с требованием к японскому консулу и городской Думе очистить город от власти белых и вывести прочь из бухты японские корабли.

С ними разговаривать не стали. Делегатов-камчадалов на второй день прогнали, а Рябикова после нескольких месяцев издевательств и пыток убили в трюме парохода «Свирь».

2 июня 1922 года партизаны заняли располагавшуюся близ Петропавловска сельхозферму, потеряв в бою за неё Тушканова, Давыдова, Бохняка и Войцешка. Японцы высадили десант с крейсера «Читозе», и красные отступили, решив организовать... добровольный! отряд из охотников, поселившихся вдоль реки Камчатка.

Таким образом ситуация вокруг Петропавловска на октябрь двадцать второго напоминала осаду, в глубине полуострова, совершенно неподалеку развивался красный флаг, чего до последних дней не было в Владивостоке, несмотря на постоянно проявляющие себя «приступы» красных партизан в окрестностях Спасска и на берегу Татарского залива отделявшего Сахалин от Приморского края. Нагло вошедший в бухту Петропавловска корабль не оставался незамеченным. В последнее время, редкому зашедшему кораблю радовались – хоть какая-то работа немногим муженькам, помимо действительно надоевшего морского ремесла. Да и трудно было не услышать не такую уж миниатюрную «Гельвецию», гордо окуривающую – обдающую пепельно-черным дымком крошечную Авачинскую бухту, «шаманку» с моря.

Несмотря на поздний час и по обыкновению холодную погоду – в микроклимат этого региона вмешивались гряды льда на окружавших вершинах сопки; к пристани все же стали стекаться люди. Швартовка корабля произошла успешно – пассажиров еще при свете предупредили о том, что корабль будет простаивать здесь не менее полных суток, если не двое. Да и мало кто спал – искали одежду потеплее и ожидали возможности ступить на каменный или деревянный причал, жаль, что длинная ночь была впереди.

Через громкоговоритель было сообщено о прибытии в Петропавловский порт. Также было сообщено – что в дневное время можно будет прогуляться, и сейчас спешить без особой нужды на сушу не нужно, так как до утра «Гельвеция» будет стоять без дела. Таким образом, сэкономив время, да, именно так, не зря перед Камчаткой была снижена скорость хода – чтоб

не прийти утром и сразу же начать работать – а ее хватало, а чтоб ночь провести спокойно и не у штурвала, а с якорем в дно морское.

Устали люди – они же понимали, что впереди будет куда большой промежуток без отдыха, равным примерно в два раза большему расстоянию чем от Владивостока до Петропавловска. Ванкувер по всем подсчетам казался иной цивилизацией – Магеллановым подвигом. А впереди еще был и Лос-Анджелес. Такого класса судно так далеко никогда не ходило и первоначально не было разработано на такие огромные расстояния.

Небольшая часть наиболее любопытных и бесстрашных пассажиров, в основном из числа мужчин, одетые как надо, с головными уборами, женщин практически не было – решили дожидаться рассвета, да и действительно холодно было, промерзать не желали, решили пройти по простенькой набережной этого рыбацкого городка – одного из самых первых и самых восточных форт-постов самодержавия. Петропавловск был основан в далеком 1740 году и на протяжении всей своей истории представлял малонаселенное – лишь к середине XIX века преодолевшее тысячный рубеж, поселение, с не самым стабильным числом населяющих, как было описано ранее. Название Петропавловский остров получил от имён кораблей-пакетботов «Святой апостол Пётр» и «Святой апостол Павел».

Молчать во время первого за десятидневного «путешествия» не приходилось. Господа обсудили – как оказалось не для всех известную историю о Петропавловской обороне – защите русскими войсками города-порта Петропавловска и территории полуострова Камчатки во время Крымской войны 1853—1856 от превосходящих сил объединённого англо-французского флота с корпусом морской пехоты на борту. Оборона Петропавловска является одним из значимых сражений Крымской войны и второй половины XIX века. Но несмотря на это далеко не все знали о таковой – хотя Крымская война в той или иной мере коснулась большинства семей из числа обсуждающих. Более всех рассказывал внук одного из непосредственных участников той героической обороны, состоящей из двух штурмов неприятеля, завершившийся победой русских. Где тот Крым, а где Камчатка? А люди гибли за отчизну и там, и там.

С наступлением утра – потянулись к выходу, даже не завтракая, пассажиры корабля. Они были рады этому клочку земли – сейсмоактивному, расположенному на подножье одного из грозных и высоких вулканов, нависающих над городом и смотрящим с опаской и настороженностью, будто камышовый кот в ожидании прыжка на существо, мешавшее ему крепко спать в зарослях очерета. Тем временем – оставив Евгения Николаевича, страдающего головной болью – одним из новых симптомов отказа, длившегося вот уже третий день, с небольшим числом матросов, и парочке добровольцев на кухне и в других помещениях, боцман с капитаном направились в «управу» – иначе назвать «домик на курьих ножках» было трудно.

С интероцептивной точки зрения, встреча произошла достаточно обычно, с определенными коннотациями напряженности у работников пристани. Проявления настороженности проявлялись, вероятно, не в отношении гостей, а по внутренним причинам. Поздней выяснилось, что красные партизаны устроили несколько налётов со стороны гор пару дней назад и скорей всего заметили и «Гельвецию», так как имели наблюдательные посты на склонах вулкана Козельского – расположенного буквально в десяти верст от пристани. Так это до вершины, пост на склоне находился куда ближе! Все сочувствующие белым – а других тут по первому взгляду и не было, находились в состоянии близком к истерии.

Со слезами на глазах встретили тогдашней ночью – будто спасателей, оставшиеся мирные жители. Последний корабль к ним заходил два месяца назад и наш был первым – кто решил строить свой путь через Петропавловск. Первый, флагманский, пароход, ушедший за неделю до «Гельвеции» имел место временной остановки в Японии и шёл несколько южным курсом. Японцам, все еще находившимся здесь было не до русских.

Внутри деревянной будки было невероятно темно, несмотря на то, что какое-то да освещение было. Оказалось, что электричества централизованного здесь не было, что, в прочем

не удивило, а вот дотлевающая лампа, кажется масляная, оказывала угнетающее влияние на находящихся здесь.

А как же было телеграфисту – в таких условиях зрение можно было потерять за пару месяцев работы. Здесь и днем солнца не дождешься, а в вечернее время и свеч нет – заканчивались. Посмотрев на здешние реалии – окинув взглядом, как посветлело, город, он осознал, что ему надо чем-то помочь. Петропавловск представлял собой унылое зрелище – дома были просто ужасны, настолько бедные, что смотря на них хочется плакать даже серьезному и скупому на эмоции мужчине средних лет.

Эмпатия овладела командой корабля – ступивших на землю Камчатки. Осознанное сопереживание привело к тому, что Константин Львович после согласований с Евгением Николаевичем и боцманом приняли решение помочь материальными благами у, выгрузив продовольствия на общий вес в двадцать пудов, подарив три керосиновые лампы и запас керосина и чего-то еще по мелочам. Таким образом они подтвердили свою и не только от себя лично, скорей от лица быстро тающее «Большой Земли», имея в виду «Чёрный буфер», поддержку страдающим и нуждающимся.

Щедрость или умение дарить – это лучший вид корысти. И единственный. Все остальное необходимо пресекать на корню. Людям, находившимся здесь не хватало общения и информации, они были заложниками собственного географического расположения и знали немного о том, что происходило в глобальном порядке. Связь с большим миром чуть было не оборвалась, после серьезной неисправности радиотелеграфа. Но умельцы смогли восстановить его работу, правда, лишь недавно.

Как и было оговорено – заготовленные еще в летнюю вахту, в самое благополучное время для навигации, тонны пречёрного сухого – закрытого двумя слоями толстого и непроницаемого материала, схожего на брезент, но таковым не являющимися. Все это добро хранилось в специально отведенных прямоугольных угольных бункеровках – складах под хранение угля.

Угля действительно было много и хватило бы не на одну полную загрузку такого корабля как «Гельвеция». Как вы помните, наш пароход являлся «творчески» переработанным еще в верфях Владивостока, а ранее – капитально доработанным в каком-то японском порту и он был заточен на большую дальность хода.

Никогда ранее база того, что стало «Гельвеей», называемой уменьшительно-ласкательным образом некоторыми моряками просто Геллой – нет, маловероятно, что в честь дочери орхоменского царя Атаманта и Нефелы, сестры-близнеца Фрикса из древнегреческой мифологии, не могла похвастаться тем, что смогла пройти 1700 морских миль без захода за «чёрным золотом». Первоначально – по техническим паспортам судно при восьми узлах в час дальность хода с базовыми бункерками, что уже на судне, пароход мог пройти максимум тысячу пятьсот миль.

Но японские гении инженерной мысли, а именно там, в период с 1909 по 1911 год по документам, проходил ремонт пароход, совершили модернизацию силовой части – облегчив некоторые части паровой машины, увеличив объем бака и усовершенствовав отвод пара в конденсатор за счет замены цилиндра высокого давления и расширения до невероятных объемов, превышающих в два раза базовый объем хранилищ угля за счет уменьшения трюмов и «компрессии» некоторых других помещений, за исключением среднего трюма – балластного.

Такого добра хватило намного, но уже в двадцатом году, наравне с двумя кораблями подобного класса и грузоподъемности, был проведена еще одна реконструкция, которая уменьшила число пассажирских мест с четырехста восьмидесяти до четырехста нацело, что еще увеличило каким-то неведомым образом, однако после огромной расчетной работы и усиления бортов, увеличив хранилища под «суточное» потребления корабля в двукратном объеме, и еще предоставив до семидесяти пять тонн полезного места.

По итогу Гелла была буквально «заряжена» топливом, чего должно хватить на рекордные 3500 миль при полной загрузке, в так называемом экономичном режиме, понятном лишь героям-кочегарам, – расстоянии от местечка в названной ранее бухте до далекого канадского Ванкувера.

И это с дровами и всем необходимым. Действительно серьезная заслуга. Помимо всего на всякий случай была средняя мачта с парусом – ставшая уже рудиментом, прямиком из белых времен, на всякий случай. Но и паровая машина не являлась легким, не нуждающимся в тяжелом труде, способом передвижения по морям и океанам.

Капитаны и навигаторы разных судов скрипели зубами, наблюдая промасленные лапы в сахарницах на накрахмаленных скатертях, но вынуждены были признать, что пар лучше ветра. Корабли теперь не особо зависели от настроений «зефира».

В одиннадцатом часу началась загрузка углём – двадцать пять взрослых мужиков из местных и почти весь состав экипажа участвовал в сложнейшем этапе, обратной стороны монеты, оплатой за тысячи миль относительно легкого для пассажиров, конечно же, путешествия.

Увы, элеваторного механизма на судне не было, так как это являлось прерогативой крупных торговых «галеонов». Понятно, что иметь такую роскошь, пусть даже и в сокращённом состоянии, как многочисленный экипаж, торгош себе позволить не мог. Зато были преимущества в другом. Конструкция судна позволяла принимать уголь без многочисленных грузчиков. На пассажирских судах это только-только начало внедряться.

Пассажиров негласно предупредили, что лучше покинуть корабль, либо находиться в каютах безвылазно. Кто-то остался, кто-то решил погулять по Петропавловску. Здешние жители, в основном женщины, были крайне гостеприимны, они еще ночью, как писалось выше, вышли поприветствовать пассажиров русского корабля, но это было малозамеченным, по причине ночного времени. Днем же, общение между людьми действительно началось. Погрузку обещали завершить к вечеру лишь следующего дня. Да и не только в ней была вся суть работы, имелись небольшие технические неисправности, которые можно было решить силами в этой уютной бухточке.

Наиболее гостеприимные жители приглашали посетить дома дабы угостить дарами моря – только благодаря им и выживали. Опустошение бункеров и погрузка прекращалась трижды – на полуторачасовые перерывы во время приема пищи персонала и пассажиров. Грядущая ночь обещала быть бессонной – лишь глухой мог спокойно спать во время продолжавшей ночью работы, обремененной звуками скрипов и грохотом вызванным сыпучестью погружаемого твердого топлива. Старые морячилы рассказывали – когда в столовую входили кочегары, все вставали.

Не знаю как на других пароходах – на «Гельвеции» три работающих по вахте триады (четверки) непосредственно причастных к этому делу, естественно имели такую же степень уважения и авторитета как и капитан и действительно, в те редкие моменты – когда они, а так получалось, что по графику первая смена спала, вторая работала, а третья – вечеряла, проявляли уважительный тон зашедшим в камбуз героям тяжелейшего труда, правда, не вставая.

Очень приятно было то, что в Петропавловске они провели часть необходимых и выматывающих время, силы и нервы мероприятия, сопутствующие погрузке и последующей загрузке в внутренние – скрытые бортом помещения-хранилища. Грязные пуще прежнего, отдохнувшие всего лишь одну ночь, наконец в полном составе оторвавшись от накаленной до тысячной температуры топки, теперь, кочегары, с натруженными руками и вышедшими наружу венами, вместе со всеми остальными помогали загружать себя тоннами черной каменной грязи, предвкушая часы, дни, непрерывной работы. Спустя четырнадцать часов бездействия котёл еще был горячим, его слегка поддерживали с завидной периодичностью в четверть часа. Хотя эти мероприятия являлись скорей избыточными, чем реально нужными, несмотря на опасения – а вдруг остынет.

А «заводить» с нуля этот механизм «часовщикам» было несколько затруднено. Здесь встречались ассоциации с доменными печами – да, что-то в этом роде, если не вдаваться в технические подробности и действительные различия между этими технологическими процессами, общими лишь в одном, а именно в необъятном желании поглотить как можно больше топлива и струями пота на телах тружеников-кормильщиков. Несколько странной была одна традиция, любимая и проводимая несменяемым костяком команды «Гельвеции», бороздящим моря и океаны под русским флагом примерно с четырнадцатого-шестнадцатого года.

А именно, всякий раз, когда проводилась бункеровка – капитан, а за все это время их было двое, взяв в руки кортик, найденный при невыясненных обстоятельствах, брал наиболее примечательный по виду «каменный артефакт», бережно отрезал небольшой кусочек, клал на вышеуказанный кортик под сугубо-верным углом, иначе нельзя, и облизывал его, а затем, с монструозным выражением лица, на время глотал, и только лишь потом выплевывал в сторону моря. Увидев эту странную процедуру, а к ней в обязательном порядке должны быть причастны к просмотру все члены экипажа, Евгений Николаевич, ретировался в какой-то кубрик, то ли от приступа тошноты от увиденного, но вероятно всего – в беспамятстве усугублявшегося абстинентного синдрома.

Ему стали делать замечания даже матросы, замечая его скверный вид, а вот капитан к его счастью перестал это замечать. А Боцман же, как и говорилось ранее был не из людей, умеющим в эмоции и взаимное общение.

Но он боролся как лев, и пока, у него получалось. Все же сказывался небольшой опыт использования морфина – хотя прямой зависимостью от этого не было. С точки зрения наркологии он все еще мог самостоятельно, при его характере, стиснув от боли зубы, сойти с пагубной тропы. Его случай был достаточно атипичным по клинической картине, боль в руке создаваемая его мозгом, все еще обманывала его, но он все же стал понимать, что скорейшим образом все пройдет. Все-таки не зря он имел какое-никакое неполное высшее медицинское, правда, уже устаревшее, в этом аспекте жизни, образование.

Но как только он задумывался о том, сколько он протянет – банку с морфием он спрятал в малом сейфе капитана, что было здравым решением, так как не имел ключи к ним на постоянной основе, ему становилось плохо.

Последний раз он спал три дня назад, и кажется, что мозг вынуждал к нему, испуская пляяду сильнейших сигналов. Никого не предупреждая, он, не участвуя в погрузке груза, самостоятельным образом быстро вбежал в свою каюту и пытался заснуть, пока ночные галлюцинации не овладели им полностью.

Шёл седьмой день борьбы – этот день был еще нормальным, по сравнению с прошедшими, но чувство тревоги, вызванное отравлением ядами, усугубляло его положение. Навязчивость мыслей о приеме наркотика росла и росла. Его стойкость поражала – так долго выдерживаться могли единицы. Но без иллюзий – в любой момент он мог сорваться и скорей всего это и произойдет. Лишь избранные судьбой могли оторваться самостоятельным образом. Первичная взаимная аттрактивность сменилась раздражительностью и недостатком опыта взаимодействия – моряков не устраивал способ погрузки мешков, которые приходилось долго перекручивать необходимым образом, чтоб потом складировать. Да и мешков заделали лишь шестьсот. Хотя «лишь» будет излишним. Это очень много – с учетом того, что каждый мешок весил примерно восемь пудов, или примерно триста двадцать фунтов, равных более привычным современному обывателю – 120—130 кг. Таким образом – благодаря заготовкам местных было загружено самым простым способом семьдесят с лишним тонн угля.

Но корабль нуждался еще сто сорока – чтоб благополучно добраться до далекого Канадского порта. Здесь в помощь вступили специального образа вагонетки-ванночки, каждая из которых выдерживала вес примерно в тонну. Взяв в руки секундомер, можно очертить заполнение каждой из ванн примерно в дюжину минут, в быстром темпе, еще несколько минут

на подъем при помощи лебедочных механизмов, закрепления, еще с пятнадцать минут на снятие и обработку – скидывание груза в угольные ямы, которые и так были заполнены на семьдесят процентов.

Часть же угля при помощи лопат и деревянных ящиков – старых, некрепких, устанавливали в штабельном порядке прямо на палубу, чтоб потом поставить на «колеса», доморощенные вагонетки и аккуратно спустить в трюмы – и заставить их. За сутки погрузили чуть более 130 тонн.

Оставшиеся пятьдесят, вскоре решили взять еще тридцать, были загружены смешанными способами и часть из них остались на главной палубе, в специальном огороженном месте размером с пятьдесят на восемь футов и высотой в десять футов. Для балансировки тридцать были, по договоренности, одолжены. Так за одни сутки белые стали афроамериканцами, сами того не подозревая. Ситуацию спасло еще отсутствие дождя и сравнительно малый конденсат от тумана. Погода вновь радовала, действительно, в это время навигация не осложняла жизнь даже на этом, пусть и не крайнем, но севере. Помылись в бане – крупном, на удивление, здании, расположенной на второй улице, сразу за набережной. Радовались все – лишь кочегары-машинисты смеялись со всех, осознавая свою судьбу, так как они отмывались от «графитовой сказки» каждую вахту. На палубе было грязно, сказывалась выгрузка золы – оставшейся после сгорания, печь второго дня частично очистили, дабы лучше работала, больше такой возможности не будет еще долго. Кочегары второго дня не работали – за исключением двух добровольцев, остальные ребята занимались машинным отделением. Проблемы были решены, воду пресную набрали с Авачи. Неприятным моментом для всех работающих с погрузкой и выгрузкой угля был «синдром шахтера». Надышаться за одну большую погрузку и заполнить легкие мелкодисперсной дрянью на всю жизнь – это всегда «приятно». В Петропавловске стояла холодная погода и мало себя проявляла еще беда от «черного золота» – реакция воздуха с залежавшимся твердым топливом.

Да, несколько раз, благодаря правильному «сухому» хранению, относительно сухому – так более точно сказано, ведь это не уровень хранилищ больших портов, между угольков все же вспыхивали язычки пламени, но на это было свое объяснение. Несмотря на первичную критику насчет крепежа мешков, местные ребята оказались опытными и делающими все правильно, не дилетантами. Иначе вся эта бункеровка заняла бы куда больше времени.

Откуда здесь, в Богом забытом городе были запасы угля, старательно расположенные в разного рода крытых и полукрытых хранилищах? На севере Камчатке существовали угольные месторождения, но сжигание камчатского угля дает много золы и мало тепла. Судя по всему – старательные сбережения с далекого Кузбасса, либо закупки с Азии.

Никто не раскроет тайну логистики, ведь действительно от этого зависело многое. Данный уголь на деле был привезен давненько и японским судном, тогда еще угроза эвакуации Владивостока не висела над головой. Из Петропавловска японцы планировали делать плацдарм для захвата Камчатки, по крайней мере так считало пару здешних, видевших все что происходило собственными глазами прошлым летом и ранее. Оговоренную плату за работу предоставили в том числе за счет грузов, поставленных вне «подарочных», частично золотом. Экипаж корабля – как и было договорено еще в Владивостоке, увеличился на шесть человек, восполняя дефицит. Камчадалы неохотно прощались со специалистами, вернуться они могли сюда лишь весной. Но чтоб прокормить семьи – зарплата была уплачена заранее семьям, им пришлось уйти. Хотя, к такому женам моряков не привыкать.

Капитан принял решение переждать наступающую ночь в Авачи, а в пятом часу утра, хотя какое утро, рассвета в это время здесь нет еще и близко, и затем отправиться навстречу Тихому Океану. Решение обрадовало уставших матросов, лишь какие-то семь часов сна, хотя это было супротив графика. Попрощались и пассажиры с местными, кое-кто даже обменялся небольшими подарками на память.

С грустными лицами уходили и местные моряки на «Гельвецию». Ведь так хорошо было ходить на небольших лодках на пару дней, а тут – аж до Америки. И да – капитан все же получил то, что хотел, уху из камчатского лосося! И не только он; три центнера замечательной рыбы было отгружено в качестве эдакого бартера. В четырех деревянных бочках – две засоленные, две – закинутые льдом, одолженным у горы, свежей рыбы: тут и горбуша, нерка, тихоокеанский лосось и сёмга. В общем-то райское разнообразие для любителя. Часть из этого добыта в районе Авачи, либо в окрестностях ближайших горных речках.

Машина заработала, котёл нагрелся, стропы для подъема грузов привели в исходное положение, «корзины» запрятали, непромокаемой тканью палубное хранилище прикрыли, включили габаритные огни и начали движение. Мenee через час ходу Авачинская бухта была преодолена. Набрал допустимую скорость в девять узлов пароход шёл ровно на восток – к неосязаемой и не отмечаемой на большинстве карт линии перемены даты. Это очень интересная и парадоксальная линия на глобусе. Время вокруг нее течет по своим правилам. Расположилась она восточнее самой восточной точки России, за островом Ратманова и южнее.

Известный любитель приврать барон Мюнхгаузен рассказывал пораженным слушателям, что во время посещения Северного полюса, помимо знаменитой охоты на белых медведей, он смог перекинуть камень через вчерашний день, а разбежавшись посылнее, перепрыгивал из сегодня во вчера. Это звучит парадоксально, но так ли далек от истины барон Мюнхгаузен? Истина где-то рядом... Линия перемены дат нигде, кроме Антарктиды, не проходит по суше.

Есть случаи, когда она проходит между близко расположенными островами: например между островами Диомиды, которые находятся всего в четырех километрах друг от друга. Линия делит пролив между ними ровно пополам.

Но до нее надо было дойти. Корабль вышел, теперь уже по серьезному, без лазурного попечительства со стороны заливов и морей в океан. Два полных дня не запомнились ничем. Совершенно ничего нового не происходило. Это время активного ведения дневников всеми грамотными, а неграмотными тут были лишь малые дети, и может быть жены купцов второй и третьей гильдии, и имеющими средства к написанию «великих» писем самому себе о том, как им бедолагам грустно и что океан не хочет заканчиваться, как и Российские территории. И как жаль, что все это вскоре будет сдано дьяволу.

И в общем то все, будто под копирку, менялись лишь имена, почерки и объем. У кого чернил было много, а таких товарищей было с десяток, писали без всяких ограничений, у кого мало – выводив каждую букровку. Ну что с людей взять – любили они таким заниматься. Большинство писало в повествовательной форме, большинство – комбинируя. Единицы занимались более путным делом – выводив строки наукообразного текста или чем-то подобным.

Был, как и полагается, и художник, правда без мольберта – он был упрятан. Рисовал шаржи, таким образом потешая окружающих и неплохо так зарабатывая. Смекалка, так сказать.

Рисуя очередной шарж, в полутёмной каюте, он периодически встречал «гостей» – недовольных объектов шаржа, в основном мужей тех, кто это заказал. Никто и не знал о том, что происходило в знаковом для них Спаске. А происходило печальное – для многих. На календаре было восьмое октября – со всех стороны «Гельвецию» окружал бездушный Тихий океан.

«7 октября части ударной группы 2-й Приамурской дивизии большевиков вышли на подступы к спасскому укрепрайону, обороняемому Поволжской группой генерал-майора В. М. Молчанова. Укрепрайон А уже восьмого октября части ударной группы начали штурм укреплений, в этот день подразделения овладели третьим фортom и к исходу дня закрепились на северо-западной окраине города. Утром 9 октября красные перешли в наступление по всему

фронту. После короткой артподготовки к полудню они заняли северную часть города. К 14.30 были захвачены ещё четыре форта, и белые отошли на последний укрепленный рубеж в районе цементного завода, однако затем, оказавшись под угрозой охвата с флангов, были вынуждены оставить Спасск.»

В этом сражении потери белых составили свыше тысячи человек убитыми и ранеными, части красных захватили не менее 284 пленных, две артиллерийские батареи, три полковых знамени, штаб Поволжской группы белых и даже бронепоезд. В результате Спасской операции в Приморье войсками большевиков был ликвидирован стратегический узел обороны белых и открыт путь на Владивосток.

И останутся как в сказках, как манящие огни —

Штурмовые ночи Спасска, Волочаевские дни... «По долинам и по взгорьям» Владивосток с еще большей силой проводил эвакуационные работы. Пароходы отправлялись одни за другим, по больше мере уходили японские интервенты. Новость о захвате Спасска пронзила городской слух за пару часов до его реального взятия или освобождения – я судить не буду, являлось ли это оккупацией или «исцелением».

Евгений Николаевич стал подходить к порогу лишения рассудка. Он сорвался – зачем он себя обманывал? Он бережно оставил на всякий случай в каюте несколько микрограмм порошка, а шприц всегда был при нем. Восьмой день борьбы закончился крахом. Как, впрочем, и ожидалось. Но он уже болезненно осознавал, что морфия осталось не так уж много и когда же он кончится. И что делать тогда? Только мысль о том, что он уже подходит к концу выводила его из себя.

Сухой кашель – побочный эффект от приема таких средств усугублялся. Капитан уже косо смотрел на своего заместителя, а третьего дня – подходя к окрестностям Алеутских островов, сделал замечание и предположил, что г-н Врублевский заболел туберкулезом? Но Евгений Николаевич вновь придумал причину для хорошей легенды – по крайней мере той, в которую поверит и сам наркоман и его окружающие.

Не скучали в те октябрьские дни лишь немногие. Среди них – знакомые нам большевики под прикрытием. Они пытались стебать общественность, вступать в разговоры, спорить, и выяснять привычки и повадки нужных их лиц.

Сблизится правда с ними они так и не смогли – по причине истероидного типа личности у «пациентов». Скорей даже вызвали у них проявления антипатии и неприязни к ним же. Но с другой стороны выяснили несколько замечательных фактов, которые даже решили записать на бумагу, на всякий случай, вдруг забудут. По большей мере это касалось историй, рассказанных с безмятежным пафосом о некоторых поступках, отождествляемых большевиками как преступлениями.

– Но ничего, придет время и мы с них подать их же шкурой возьмем. Твари подколотные, гореть им. – Бобров-Негласов был в ярости, разбалтывая уже ставший холодным горячительный напиток, казалось, будто он ложкой перемалывает что-то.

Но так он перемалывал идеологическую и человеческую неприязнь. Более опытный Семен Семеныч тоже не мог слушать ставшую уже традиционную хвалебную вечернюю речь, в которой частенько выражались дифирамбы в сторону том числе и объектов надзора. Все это вкупе усиливало перечное послевкусие от уже длительного нахождения в таком неприятном окружении. И нельзя было сорваться. А так хотелось.

Десятого октября власть того, что в рамках дореволюционного времени являлось империей, закончилось. Ни одного корабля – ни птицы. Нечему глазу зацепиться. Гельвеция шла параллельно Алеутским островам и полуострову Аляска. Но как по Евклиду, так и здесь – параллельные линии не пересекаются.

Ни один из островов громадного Алеутского архипелага не был доступен невооруженному глазу. Да и вооруженному тоже – несмотря на то, что среди ста с лишним островов располагалось двадцать пять высоких вулканов. Преодолен сто восьмидесятый меридиан. Он и стал практически «экватором» для путешественников. Оставалось немногим больше по расстоянию. Единственное что радовало, что последняя тысяча миль должна быть пройдена по благоприятному региону – прямо по направлению условно холодного Калифорнийского течения.

Корабль стремился отойти как можно южнее – чтоб приблизиться к направлению Северо-Тихоокеанского теплого течения, зарожденному еще Куроисио. Но нет, если бы – не в случае с утвержденным маршрутом. Навигация не терпела сослагательного наклонения и серьезных отклонений от курса, несмотря на то, что этот регион не являлся загруженным на судна и не существовало даже малой опаски столкнуться, с судном подобного типа, в здешних местах. Но и «пустынным» этот район нельзя назвать. Американцы частенько бывали близ Камчатки и Чукотки, где весьма активно скупали различные вещи – как и вы полагаете, шкурки и меха, где потом очень удачно, без напрягу, продавали по спекулятивным ценам на материке. Так они – скупщики, одна из категорий людей, бывавших в этих северных краях, получали прибыль, соизмеримой с золотой лихорадкой, прогудевшей по всей Аляске и Канаде еще совершенно недавно, но уже не дающий ничего, кроме издевательски крошечных самородков, случайно оставленных незамеченными после орд золотоискателей. А еще здесь бывали китоловы.

И вот таких господ посчастливилось увидеть утром тринадцатого октября, когда «Гельвеция», снизив ход, находилась в состоянии самоуправления – сама по себе преодолевая без большого присмотра волны Тихого океана. Дело было у Лисьих островов – а именно в шестидесяти милях ниже южной оконечности острова Умнака.

– Интересно, разве живут в таких холодных и окаймленных океаном, а температура здесь была всего три градуса плюс, лисы? Крысы – то конечно. Вдоль Крысыных островов мы уже прошли. А вот лисы – они что совершенно глупы, уж лучше жить на материке.

– Да нормально там. Если только не шторм. Как и повсюду здесь. Поодаль множество озеро и все они чем-то, да населены. Мертвых не припомню. – сказал Константин Львович, находившийся вместе со всей командой в столовой, на пару часов поручив управление судном самому Господу Богу.

Действительно, иногда и самые матерые капитаны позволяли своей фортуне отойти составом от надоевшей работы. В машинном отделении правда было два матроса – на всякий случай сидящих для согреву, а так – без малого, все, проводили странную процедуру «освобождения от дел», общались на абсолютно житейские темы, будто сами они пассажиры. А для работы и Посейдон какой-нибудь, ась Нептун есть. Разрядка – если коротко. Но весьма рискованная, несмотря на паршивую погоду средней важности.

Но долго такое нахождение в прострации продолжаться не могло, и с заделом на повтор – имели право, свора матросов и людей высшего ранга, направились за работу. Да и правильно, через часок, со сниженной скоростью можно было наблюдать интересную, даже для людей опытных, картину, оказывающему противоречивые чувства. С северной стороны – по правый борт пыхтящей отходами от своей жизнедеятельности трубы «Гельвеции», в примерно пяти километрах стали наблюдаться ботики китоловов, с каждой минутой их становилось все больше. Начинаясь рейд. Они все еще не были у дел. Но вскоре началось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.